

Александр III

Александр III вступил на престол в драматический момент истории России. Смертный приговор, вынесенный народовольцами его отцу, был исполнен: 1 марта "грянул взрыв с Екатеринина канала, Россию облаком покрыв". Переживаемый страной кризис, казалось, достиг кульминации.

В 3 часа 35 минут пополудни на глазах толпы, заполнившей Дворцовую площадь, большой желтый штандарт на фронтоне дворца, против "Александрийского столпа", стал медленно сползать с флагштока под перезвон колоколов. Царствование Александра II кончилось, а вместе с ним завершилась и целая эпоха в жизни России.

2 марта Александр Александрович Романов получил царский скипетр вместе с другими регалиями самодержца российского и неограниченную власть над страной, в которой все перевернулось и никак не хотело укладываться. Накануне — 26 февраля — он отметил свое 36-летие. Вступая в новый год своей жизни, наследник мечтал об усмирении общества. В дневнике он просил у Бога тишины и спокойствия — "чтобы наконец можно было нам с дорогой Россией вздохнуть свободно и наконец пожить безмятежно".

Но ни мира, ни безмятежности 1881 год не принес. Раздираемая внутренней междоусобицей Россия продолжала жить, по выражению Достоевского, "колеблясь над бездной". Александр Александрович не первый вступил на престол через кровавый порог. В истории династии Романовых уже были случаи насильственного устранения законного самодержца — вспомним хотя бы кончину Петра III или Павла I. Однако заговоры и дворцовые перевороты остались тайной для большинства подданных империи. И вот впервые в ее истории ответственность за царубийство открыто брала на себя определенная общественная сила — революционная организация, объявившая войну существующему строю.

Всемогущий самодержец был убит среди бела дня в столице империи, на глазах народа самым совершенным для того времени оружием —

динамитными снарядами, изготовленными самими мятежниками. Но "мятеж всегда кончался неудачей, в противном случае его зовут иначе". Вопреки расчетам народовольцев царевубийство не стало началом государственного переворота, не послужило сигналом к народному восстанию.

В свое время Г. В. Плеханов, протестуя против террористических замыслов, зарождавшихся в народнической среде, безуспешно доказывал, что с их осуществлением к имени царя лишь прибавятся три палочки вместо двух. Большинство подданных империи не согласилось бы с идеологом народничества — слишком многое значила сама смена лиц на троне, даже при неизменности политической системы. Черты личности монарха — его ум, образованность, нравственность, способности влияли на политический курс не меньше, чем настроения масс или борьба общественных группировок.

Сам принцип самодержавия, оставаясь незыблемым, по-разному претворялся при очередном царе — то жестко и круто, то смягчаясь уступками и "послаблениями". И в мартовские дни 1881 г. в русском обществе жадно обсуждалось все, что было известно о человеке, вставшем на самой вершине общественной пирамиды. Преувеличенное внимание к личности нового царя выказывала и зарубежная пресса, где делались попытки, исходя из его симпатий и антипатий, прогнозировать внешнеполитический курс России. Либеральная печать Германии с тревогой напоминала об антинемецких высказываниях Александра Александровича. В лондонской "Таймс" выражалось беспокойство по поводу возможного усиления влияния России на Балканах.

Хотя в качестве наследника Александр Александрович уже полтора десятка лет участвовал в государственной жизни, сведения о его взглядах и убеждениях были и скудны и противоречивы. Цесаревич оставался достаточно сдержанным в оценках текущей политики и своих волеизъявлениях. Стоит все же оглянуться на этот отрезок его жизненного пути, что был пройден до восшествия на трон, посмотреть, как проявил себя будущий император до прихода к власти, каковы были

его политические склонности и антипатии в период, столь важный для жизни страны.

Великий князь Александр Александрович, не будучи старшим сыном царя, не являлся наследником престола изначально. Его готовили к военной карьере. В раннем детстве воспитание его было поручено генерал-адъютанту графу Н. В. Зиновьеву, а затем генерал-адъютанту графу Б. А. Перовскому. Оба эти деятеля николаевской закалки в императоре Николае Павловиче видели образец властителя, необходимого России. Их патриотизм прочно соединялся с национализмом. Убежденные "антизападники", они на дух не переносили либеральных веяний.

С 1861 г. военную историю и тактику преподает Александру Александровичу адъюнкт-профессор Военной академии М. И. Драгомиров. Почитатель суворовской системы обучения и воспитания войск, Драгомиров отстаивал решающее значение моральных устоев армии в ходе войны. Военным делом, в отличие от других предметов, Александр Александрович занимался охотно. С удовольствием участвовал в парадах и смотрах войск. "Таймс" по поводу вступления на престол Александра III имела все основания сообщить, что новый царь "готовился для армии и лишь в военном деле преуспевает. Он восхитительно командует дивизией, организуя ее быстро и энергично, командует парадом, как мало кто из генералов в Европе". Здесь же отмечались и слабое интеллектуальное развитие нового императора, и его несведущность в вопросах управления. В науках Александр Александрович действительно успехами не отличался, да его — до поры — и не особенно обременяли знаниями. Учителей братьям подбирали граф С. Г. Строганов, известный своим консерватизмом. Среди них — профессора Московского и Петербургского университетов К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот. Александру Александровичу предстояло получить лишь самые общие знания о началах юридических и политических наук. Николай Александрович занимался по более расширенной программе. Когда после смерти

старшего брата в апреле 1865 г. Александра объявили наследником, стало ясно, что полученное им образование недостаточно для его нового статуса. В 1865-1866 г. наследник пополняет его, прослушав курс русской истории С. М. Соловьева и курс гражданского права К. П. Победоносцева. Либеральные профессора К. Д. Кавелин и М. М. Стасюлевич — учителя Николая Александровича — были Строгановым отвергнуты. Отношения цесаревича с профессурой были, разумеется, особого рода. Именно он в удобное для себя время назначал занятия, которые мог по своей воле перенести или вовсе отменить, ссылаясь на свои высокие обязанности. "Я прошу Вас сегодня ко мне не заходить, так как я решительно не успел приготовить к сегодняшнему дню", — сообщал он К. П. Победоносцеву, и тому ничего не оставалось, как принять это к сведению.

В свое время Константина Петровича раздражали и "склонность к либеральным фразам" цесаревича Николая, и его возражения во время занятий в "либеральном духе", вопросы о конституции. Александр Александрович ничего подобного себе не позволял. Но в нем не было любознательности старшего брата, также усердием к наукам не отличавшегося. "Сегодня, — записал Победоносцев в дневнике в декабре 1865 г., — я пробовал спрашивать вел. кн. о пройденном, чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего — и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей, удивительная". Эта оценка, остававшаяся в ходе занятий довольно стабильной, была достаточно объективной: Константин Петрович искренне симпатизировал своему ученику. Основой их сближения явились консервативные симпатии обоих, обоюдная и все растущая неприязнь к преобразованиям, проводимым Александром II. Известный своими статьями на рубеже 1850-1860-х гг. в поддержку крестьянской реформы, а затем и судебной, с середины 60-х гг. Победоносцев все более критически относится к произошедшим в русской жизни переменам, находя взаимопонимание у своего высокопоставленного ученика.

А "бедность идей" наследника, на которую сетовал профессор-правовед,

вовсе не стала помехой их сближению, напротив, впоследствии во многом облегчила ему воздействие на Александра Александровича. Но об этом речь впереди. А сейчас стоит отметить, что преподавание наследнику сопровождалось для Победоносцева весьма успешным развитием карьеры. В 1865 г. он оставляет Московский университет, где с 1859 г. читал лекции по правоведению, и целиком сосредоточивается на занятиях с цесаревичем. Вскоре получает орден, ценные подарки, титул тайного советника и назначение в Сенат, для рядового профессора немыслимое. Надо отдать должное Константину Петровичу: не соображения о карьере и честолюбивые стремления были главными для него в отношениях с наследником. Гораздо выше и значительнее представлялась возможность влиять на него в духе своих излюбленных идей и верований. Именно в этом видел он свое предназначение, а не в сообщении будущему императору суммы определенных сведений по истории гражданского права. В своих лекциях, в письмах к Александру Александровичу, в непринужденных беседах с ним он не устал повторять, что самодержавие — единственно приемлемая форма власти для России, а Православная Церковь — самая надежная опора этой власти. Он снова и снова доказывал, что народ этими установлениями дорожит как основой своей жизни и никогда не смирится с их утратой. Все это находило живой отклик в душе будущего царя, и нити близости и понимания между учеником и наставником крепились.

Внимание к своему питомцу профессора-цивилиста простиралось далеко за пределы занятий правоведением. Константин Петрович стремился быть ему полезным во всем. Он по сути руководил выбором чтения наследника, до которого тот был небольшой охотник, ненавязчиво обращая его взгляд на некоторые новинки литературы. Присылал, сопровождая своей рекомендацией, произведения Лескова, Гончарова, Достоевского. Привлекал внимание и к новым исследованиям в области русской истории, любителем которой считался Александр Александрович. Зная об особом интересе наследника к восточному вопросу, к балканским проблемам, оповещал о последних статьях на эту тему.

Победоносцев уже с середины 60-х гг. взял на себя обязанности добровольного секретаря наследника, подготавливая для него некоторые официальные письма и заявления. В общем, Константин Петрович сделал все, чтобы, завершив преподавание наследнику, остаться для него нужным и сохранить с ним доверительные и дружеские отношения.

В отношениях этих особое место занимала память о цесаревиче Николае Александровиче. Зная о горячей привязанности Александра к старшему брату, Победоносцев делился с ним только светлыми воспоминаниями об ученических годах Николая Александровича, создавая и в воспитательных целях некий идеальный образ для подражания.

Общее горе сблизило Александра Александровича с невестой брата. Принцессе Дании Дагмаре было 18 лет, когда она потеряла жениха. Молодые люди искренне потянулись к друг другу и, подталкиваемые родителями, обручились уже в год смерти Николая Александровича. В октябре 1866 г. Дагмара стала женой великого князя Александра Александровича, приняв имя Марии Федоровны.

В обществе поговаривали, что, потеряв столь блестящего жениха, датская принцесса стала тут же "ловить в свои сети" нового наследника российского престола, не желая расстаться с мечтой о царской короне. Однако, как и все династические браки, этот брак был заблаговременно продуман и тщательно подготовлен. Своеобразным свидетельством ориентации Александра II именно на этот брак наследника трона является приглашение к братьям в 1853 г. преподавателем русского языка и словесности, а также немецкого языка Я. К. Грота. Историк литературы, переводчик и языковед, Я. К. Грот среди плеяды российских словесников способностями не выделялся, но профессор Гельсингфорского университета был едва ли не единственным в ту пору специалистом по скандинавской литературе.

Заинтересованность правящих династий России и Дании в браке наследника трона с датской принцессой была обоюдной. Датский королевский дом имел родственные связи со многими крупными европейскими дворами и династиями, в том числе Англии, Германии,

Греции, Норвегии. Союз Александра Александровича с принцессой Дагмарой укреплял и расширял династические связи Романовых в Европе, усиливая тем самым и их влияние. Но в данном случае имперские интересы не противоречили чувствам молодых.

Влюбленность Дагмары в первого жениха, почти детская, оказалась довольно хрупкой. Ее влечение к Александру Александровичу, явно уступавшему брату и в красоте, и в живости характера, было менее романтическим. Но цесаревич с таким обожанием относился к "красавице Минни", что она ответила ему прочной привязанностью. Мария Федоровна была не только хороша собой, но еще умна и образованна. В своем новом статусе она, однако, не удовлетворилась полученным европейским образованием. Быстро овладела русским языком, стала знакомиться с русской литературой и историей, стремясь приобщиться к культуре, обычаям и традициям страны, ставшей ей отныне родиной. Любознательная и трудолюбивая, она выразила желание прослушать лекции С. М. Соловьева и заниматься с Победоносцевым — параллельно с Александром Александровичем. Ее усердие оказало благотворное влияние на нерадивого к наукам супруга. Думается, Мария Федоровна немало способствовала его интеллектуальному и эмоциональному развитию в целом.

Один за другим в семье наследника появляются дети: Николай (1868 г.), Александр (1869 г.), Георгий (1871 г.), Ксения (1875 г.), Михаил (1878 г.), Ольга (1882 г.). Их детство и юность, проходившие в дворцах Петербурга, Петергофа, Гатчины, Царского Села и Ливадии, были безоблачными и праздничными: дорогие игрушки, преданные слуги, выписанные из Европы бонны и гувернеры и тепло родительской любви. Никто и предвидеть не мог, как драматично сложатся судьбы тех из них, кому суждено было дожить до революции (Александр умер в младенчестве, Георгий — в 1902 г.).

Семейные заботы, общие радости и потери все больше скрепляли союз Александра Александровича и Марии Федоровны. Жизнь их протекала налаженно и по-своему гармонично, являя собой контраст частной жизни

Александра II. Его открытая связь с Екатериной Михайловной Долгорукой порицалась даже близкими царю людьми. Российский император мог иметь увлечения, мимолетные связи, но не две семьи: это создавало угрозу для правящей династии. Личная жизнь царя слишком тесно переплеталась с политикой, чтобы быть только его достоянием. Роман отца с Е. М. Долгорукой (ставшей по его велению в 1880 г. светлейшей княгиней Юрьевской) доставил наследнику немало горьких переживаний, уязвляя его в самое сердце. Не перестававший любить отца, он был оскорблен за мать, покинутую, по сути преданную в тяжелый для нее период жизни — в старости и болезни. Он имел все основания считать, что многолетняя связь Александра II с Долгорукой способствовала болезни императрицы и ее смертельному исходу. Он никогда не мог забыть, что в минуту кончины Марии Александровны (в мае 1880 г.) отец был не с ней — его пришлось вызывать от Долгорукой.

Воспитанный в патриархальном духе, Александр Александрович привык почитать отца, не смея открыто порицать его. К тому же он понимал, что семейная распря могла бы привести к непредсказуемым последствиям. Сложные отношения с отцом-царем, где горячая сыновья привязанность соседствовала с осуждением, раздражением, негодованием, где любовь готова была перейти в ненависть, внешне оставались ровными и спокойными. Пересиливая внутреннюю неприязнь, наследник стремился лояльно отнестись к Долгорукой, и отец ценил это. Если верить княгине Юрьевской, то именно наследнику поручил Александр II заботу о ней после своей кончины. Несколько опережая события, скажем, что эта отцовская воля не была исполнена Александром Александровичем, как и некоторые другие его заветы.

Согласно статусу наследника, великий князь Александр Александрович приобщается к государственной деятельности — участвует в заседаниях Государственного совета и Комитета министров. Его первая должность — председатель Особого комитета по сбору и распределению пособий голодающим — связана с голодом, постигшим в 1868 г. ряд губерний (особенно Смоленскую) вследствие неурожая. Назначение это сразу же

обеспечило наследнику общественные симпатии. Поэт А. Н. Майков сообщал Ф. М. Достоевскому, находившемуся за границей, что наследник "входит в большую популярность". У Аничкова дворца — его резиденции — ежедневно вынимали из кружки для пожертвований по 3-4 тысячи рублей, а в день рождения Александра Александровича извлекли около 6 тысяч.

"Как я рад, что наследник в таком добром и величавом виде появился перед Россией, — откликнулся на эти сообщения Достоевский, — и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и своей любви к нему. Да хоть бы половина той любви, как к отцу, и того было бы довольно".

С охотой занимаясь благотворительностью и в более поздние годы, что поощряла и Мария Федоровна, цесаревич среди других своих занятий особую склонность питал к военному делу. С пристрастием следил за преобразованиями в армии, предпринятыми способным и знающим военным министром Д. А. Милютиным, постоянно вмешивался в его распоряжения, не всегда будучи для этого достаточно компетентным. В январе 1869 г. Александр Александрович записывает о своем присутствии ("вместе с папа") на докладе военного министра. Резко выступив против Милютина, цесаревич упрекал министра и его соратников, что они не прислушиваются к его рекомендациям, "мешают, вместо того чтобы помогать". "Я решился идти теперь напролом и не останавливаться ни перед кем", — заключает будущий самодержец.

Несколько ранее уже произошло событие, подтверждающее способность Александра Александровича "идти напролом". П. А. Кропоткин рассказывает в своих воспоминаниях о столкновении наследника с офицером, командированным Милютиным в США, чтобы заказать ружья для русской армии. Имени его мемуарист не называет, но, судя по всему, речь идет о К. И. Гуниусе. Это он, русский офицер, швед по происхождению, вместе с подполковником Горловым был отправлен в Америку с образцами стрелкового оружия для готовившегося перевооружения российских войск. Их выбор наследнику пришлось не по

вкусу, он раскритиковал привезенные ружья. "Во время аудиенции, — рассказывает Кропоткин, — цесаревич дал полный простор своему характеру и стал грубо говорить с офицером. Тот, вероятно, ответил с достоинством. Тогда великий князь пришел в настоящее бешенство и обругал офицера скверными словами". Офицер немедленно ушел и прислал наследнику письмо, в котором требовал, чтобы тот извинился. Он прибавлял, что если через 24 часа не получит извинения, то застрелится. "Я видел его, — свидетельствует Кропоткин, — у моего близкого друга в тот день, когда он ежеминутно ждал, что придёт извинение. На другой день его не было в живых".

Александр II, разгневавшись на сына, приказал ему идти за гробом до могилы. Но "даже этот страшный урок", по словам Кропоткина, "не излечил молодого человека от романовской надменности и запальчивости".

Думается, именно эти отмеченные мемуаристом черты, а не природная жестокость прежде всего сказывались в отношениях Александра Александровича с зависимыми от него людьми. Ту же нравственную глухоту проявлял он и став императором: чего стоили некоторые его пометки на полях официальных документов, унижающие и оскорбляющие их авторов. Но с отпором своей сиятельной вседозволенности он сталкивался очень редко. Потому-то он и не принял всерьез угрозу К. И. Гуниуса, что привык к иным понятиям о чести и достоинстве в своем окружении.

Жизнь наследника, все больше заполнявшаяся государственными делами и семейными заботами, включала в себя и то, что было связано с его увлечениями и развлечениями. Александр Александрович проявлял незаурядный интерес к русской истории и даже возглавил Императорское Историческое общество, основанию которого в 1866 г. содействовал. Посещал не только его торжественные годовые заседания, но и, неоднократно, рабочие, рядовые, где терпеливо слушал разные по степени занимательности доклады и сообщения, выказывая немалую любознательность.

Императорское Русское Историческое общество немало способствовало развитию исторической науки. Периодические его издания, субсидируемые казной, — "Сборники Императорского русского исторического общества" — содержали ценнейшие публикации из государственных и частных архивов по истории внутренней политики и дипломатии XV— XVIII вв. Ими и сейчас, как важнейшими источниками, пользуются историки.

У царя был вкус к подлинным историческим документам, реальным свидетельствам прошлого. Зная о пристрастии Александра Александровича к мемуарам, письмам прошлых лет, деловым бумагам минувших царствований, многие в его окружении дарили ему материалы своих личных, семейных архивов — коллекция их в Зимнем дворце к концу его правления была весьма значительной. Непрерывно пополнялась и историческая библиотека Александра Александровича. Выходившие в свет исследования, как правило, подносились наследнику и маститыми, и начинающими историками. Вряд ли он со всеми ими ознакомился: любимым видом чтения оставались исторические романы Загоскина и Лажечникова. Именно им он отдавал предпочтение перед научной и художественной литературой.

Составленный им в 1879 г. список прочитанных книг, оставшийся, правда, незавершенным, поражает скудостью. Пушкин представлен "Борисом Годуновым" и "Евгением Онегиным". Среди произведений Гоголя не названы "Мертвые души". Из Тургенева указаны лишь "Записки охотника" и "Отцы и дети", из Гончарова — "Фрегат „Паллада“" и „Обломов“, „Преступление и наказание“ — единственное произведение Достоевского, упомянутое здесь. А ведь писатель преподнес наследнику и роман „Бесы“, сопроводив его письмом с авторским комментарием.

В списке прочитанного значится антинигилистический роман В. П. Ключникова "Марево" — грубая карикатура на революционеров. Читал цесаревич и "Что делать?" Чернышевского, но героев его так и не запомнил. Уже будучи императором, встретив фамилии Лопухова и Кирсанова в одном из следственных дел народовольцев, оставил на

полях вопрос: "Кто такие?"

Случалось наследнику знакомиться и с нелегальной печатью: именно из нее можно было узнать новое о злоупотреблениях высших чиновников. В марте 1867 г. Александр Александрович отметил в дневнике, что "с интересом читал № „Колокола“, где разбирались министры".

Как правило, каждую неделю цесаревич и его супруга посещали театры — драматический и музыкальные. Любя оперу и балет, Александр Александрович не гнушался и опереттой, куда иногда ездил без Марии Федоровны. В Аничковом дворце играла своя труппа — из обитателей и гостей дворца, под руководством профессиональных артистов. Здесь часто давались концерты. Бывало, приглашали цыган — наследник любил их пение и сам знал немало цыганских романсов. На дворцовых концертах он музицировал на валторне и "басу", Мария Федоровна вполне профессионально играла на фортепиано. А балы в Аничковом не уступали тем, что давались в Зимнем дворце. В период, когда в связи с кончиной императрицы Марии Александровны все светские развлечения были отменены, наследник записал в дневнике: "Не живем, а прозябаем. Никаких театров и балов по случаю траура нет".

Размеренная, продуманно планируемая в занятиях, насыщенная развлечениями жизнь Аничкова дворца была прервана русско-турецкой войной. Войной в воздухе запахло уже в середине 1870-х гг., когда славянские народы стали подниматься на борьбу против ига Османской империи. Зверски подавляемые турками восстания сербов, черногорцев, болгар вызвали волну сочувствия в русском обществе. На Балканы отправлялись отряды добровольцев, по всей стране собирались денежные средства и медикаменты для оказания помощи восставшим братьям славянам.

В окружении наследника заинтересованно и пристрастно обсуждались события на Балканах и угроза вмешательства в их развитие европейских держав. Ключевой вопрос внешней политики России XIX в. — восточный — снова встал во всей своей остроте. Генерал Р. А. Фадеев познакомил Александра Александровича с записками, представленными им в

Министерство иностранных дел и военному министру. Доказывая необходимость активной помощи славянским народам, Фадеев считал, что Россия наконец утвердится в проливах Босфор и Дарданеллы, обретя свободный выход в Средиземное море, без которого она "похожа на птицу с одним крылом". Наследник эту позицию разделял. Близки ему были и доводы К. П. Победоносцева, настроенного весьма воинственно. Полагая, что мирный исход из сложившейся на Балканах ситуации невозможен, Победоносцев рассчитывал, что для России война будет иметь значение "не для внешней политики только". Он доказывал, что она сможет отвлечь общество от остро вставших внутренних проблем, вызывающих недовольство и брожение. По его словам, война была бы как раз кстати в момент; "когда громче чем когда-либо слышится ропот на тягости, толк о другом управлении и о неспособности многих лиц, составляющих администрацию, жалоба на безумные траты и на расхищение казны, собираемой с народа". В письмах к наследнику 1876 г. Константин Петрович весьма резко критикует бездействие и нерешительность правительства, не сомневаясь в единомыслии своем с адресатом.

Александр II действительно находился в нерешительности. Министр финансов М. Х. Рейтерн уверял, что Россия, едва освободившаяся к 1875 г. от бюджетного дефицита, не в состоянии выдержать войну. Перевооружение армии не было завершено. Не был воссоздан и Черноморский военный флот, право на который, потерянное после Крымской войны, Россия восстановила лишь в 1870 г. Император имел все основания опасаться, что война России с Турцией может легко превратиться в общеевропейскую.

Но он все более ощущал расхождение своей позиции с общественным настроением, требовавшим активного вмешательства России в события на Балканах. Все больше испытывал Александр II и давление "партии войны", лидером которой стал наследник. Аничков дворец становится своеобразным штабом по содействию восставшим славянам — не только деньгами и медикаментами, но и оружием. Посредником между

Александром Александровичем и генералом М. Г. Черняевым, возглавившим сербскую повстанческую армию, случалось быть и Победоносцеву. Так, 18 сентября 1876 г. Константин Петрович, напоминая об острой нехватке оружия у сербов, обращает внимание наследника, что в военном министерстве есть резервный запас — 300 000 старых ружей. В окружении М. Г. Черняева не сомневаются, что часть их можно было бы отпустить восставшим, "если б государь наследник цесаревич сказал свое слово".

Для сторонников войны неподготовленность к ней России также была достаточно ясна. Побуждая цесаревича к более активному вмешательству во внешнеполитические дела, к воздействию на императора, Победоносцев не скрывал, что при слухах о войне все напоминают друг другу, "что у нас ничего нет — ни денег, ни начальников надежных, ни вещественных средств, что военные силы не готовы, не снабжены, не снаряжены". Вместе со всеми, кто пытался оценить готовность России к войне, Константин Петрович вопрошал: "Куда же девались невероятно громадные суммы, потраченные на армию и флот?" — возмущаясь грабежом "казенных денег в военном, морском и в разных других министерствах".

Но, зная о сложном положении в армии и флоте, в экономике и финансах, наследник и его бывший наставник стояли на том, что "без войны невозможно распутать узел, сплетенный нам дипломатией", "невозможно расчистить положение, достойное России". В "партии войны" царило вполне наполеоновское настроение: "сначала ввязаться в бой", а там уж действовать по обстоятельствам. Немалое воздействие на наследника, как и на самого императора, оказали оптимистические реляции Н. П. Игнатьева — посла при Оттоманской Порте, убеждавшего, что она накануне своего разложения, которое будет лишь ускорено войной. Нашлись и военные советники — в том числе генерал Фадеев, — которые доказывали небоеспособность Турции, прогнозируя легкий и быстрый успех русской армии. Желаемое не в первый раз вполне объяснимо принималось за действительное. 12 апреля 1877 г. Александр

II издал манифест об объявлении войны Турции.

Война принесла наследнику огромное разочарование, крушение многих надежд, планов, расчетов. Прежде всего он был уязвлен той ролью, которая ему отводилась в боевых действиях. Цесаревич был назначен командующим отрядом, созданным для защиты тыла действующей армии от турецких войск, обосновавшихся в крепостях Шумле и Силистрии. Стоявший на Дунае в местечке Русе (Руцук) Руцукский отряд насчитывал 40 тысяч солдат. (Численность русской армии — 185 тыс., турецкой — 165 тыс.) Назначение цесаревича в его окружении рассматривалось как понижение в должности: он проходил военную службу командиром гвардейского корпуса, числился атаманом казачьих войск. Великий князь Владимир Александрович, привыкший пользоваться советами старшего брата, на этот раз сам горячо советовал Александру Александровичу серьезно и откровенно поговорить с отцом, попросить его пересмотреть свое решение. Однако решение императора — и это сознавал цесаревич — было твердым и продуманным. Не последнюю роль здесь, по-видимому, сыграло стремление не рисковать жизнью наследника.

Чрезвычайно раздражило и огорчило Александра Александровича назначение главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. С "дядей Низи" отношения у него и так были скверные, а на его посту он в своих тайных помыслах видел конечно же себя.

Наследник жаловался, что его не посвящают в планы боевых операций. Но у главнокомандующего и не было общего стратегического плана. Александр Александрович сетовал на отсутствие "всяких распоряжений", они действительно из штаба армии не поступали, а принимались, как правило на местах — на свой страх и риск. Сумбур и неразбериха в военном управлении приводили его порой в отчаяние. То, что из Аничкова дворца виделось как отдельные недостатки, здесь, на войне, осознавалось уже как результат общей неподготовленности к ней.

Но Руцукский отряд, возглавляемый наследником, находился, разумеется, на особом положении. В нем служили отпрыски аристократических семейств. Адъютантами Александра Александровича

были граф И. И. Воронцов-Дашков, граф С. Н. Шереметев, князь В. А. Бярятинский. Некоторое время в отряде пребывал великий князь Сергей Александрович. Здесь нес службу герцог Лейтенбергский (князь Романовский), погибший при рекогносцировке турецких позиций. Расположенный вдали от "горячих точек" отряд не испытывал особой нужды ни в продовольствии, ни в оружии, ни в медикаментах.

Представления наследника о военных буднях были достаточно ограничены. Как ни парадоксально, но основные сведения о том, что творилось в армии, он получал не в Руцуке, а из Петербурга. Постоянным его корреспондентом военных лет был Победоносцев, письма которого оставляли далеко позади обличения военного ведомства в либеральной и демократической печати. Но они и предназначались только для "внутреннего пользования" — Константин Петрович первый бы воспротивился проникновению в прессу сведений, сообщаемых им наследнику. Уже забыв, как он жаждал войны, как подталкивал к решительным действиям цесаревича, осуждая колебания императора, Победоносцев в первые месяцы военных действий истово молится об их скорейшем завершении — столь грозной и опасной предстала война в своей реальности. Еще недавно не сомневавшийся в ее необходимости, он уже понимает, что она "грозит великими бедствиями целой России". Признает, что войны стоило избежать, а если уж "решились на войну, следовало к ней серьезно готовиться".

Размышляя о том, что придется выносить армии по вине "бездарных военачальников" и "невозможного интендантства", Победоносцев опасается, что "грудь русского солдата" не выдержит тяжести этой войны. "Сердце обливается кровью, когда очевидцы ужасных картин (которых Вы не видите), вернувшись сюда, рассказывают, что видели в Зимнице, Фратешти, под Плевною", — писал Константин Петрович наследнику, сообщая, что в Зимнице, например, до 4000 несчастных лежало на голой земле, без пищи, без ухода, покрытые ранами, в которых роились черви, в пыли, в жару, под проливным дождем". Он передает свидетельства очевидцев о том, как гнали пешком раненых из-

под Плевны — за 80 верст — "и во все время ни куска хлеба, ни перевязки".

Вспоминал ли Александр Александрович, читая эти письма, наставления своего учителя — генерала Драгомирова? Имя этого участника русско-турецкой войны было тогда у всех на слуху. Драгомиров доказывал, что к солдату надо относиться по-человечески — кормить, одевать, оказывать медицинскую помощь. Без соблюдения этих первоочередных требований невозможно сохранить "нравственную энергию" войска, которая и определяет в конечном счете победу. Не стесняясь в выражениях, зная, что найдет понимание Александра Александровича, Победоносцев резко критикует военное начальство, и прежде всего великого князя Николая Николаевича. "В последнее время на Вас одного возлагали надежду... из числа главных начальников, — не забывает добавить Константин Петрович, — одно Ваше имя поминалось с похвалой". "Ваша добрая слава растет, — повторяет он в другом письме, многозначительно заключая: — Ах, это большая сила на будущее".

Ужасаясь огромным потерям русской армии, наследник с удовлетворением отмечал, что его отряд лишился всего трех тысяч человек. Но, принимая во внимание, что Руцукскому отряду пришлось отбить лишь две атаки противника, а в остальном лишь пребывать в ожидании боевых действий, эту потерю надо признать немалой. Особого следа в ходе войны отряд наследника не оставил, хотя официальная историография и восславил его "великую стратегическую задачу". "Святое молчанье" рати цесаревича воспел князь В. П. Мещерский. В записной книжке Александра Александровича сохранились тщательно переписанные его рукой строки Мещерского о том, как Русь, "затаив дыханье", следила за Руцукским отрядом, "как будто из всех своих ратей та рать ей неволью милей".

Наследник заканчивал войну в Болгарии, в местечке Берестовец, на реке Янтра. По его заказу художник Д. Н. Поленов запечатлел эти места в серии картин — на память о военных годах. На память об участии в русско-турецкой войне остались и награды, врученные наследнику

императором: орден святого великомученика и победоносца Георгия второй степени и золотая, украшенная бриллиантами сабля с надписью "За отличное командование Руцукским отрядом". При всей ограниченности военного опыта Александра Александровича, значение его в судьбе будущего императора было велико. Впервые увидев войну лицом к лицу, он воспринял ее как "страшный кошмар". И никогда уже не смог забыть ее зловещих проявлений: "Ночей для многих без рассвета, //Холодную немую твердь, //Подстерегающую где-то и настаивающую смерть, //Болезнь, усталость, боль и голод, //Свист пуль, тоскливый вой ядра, //Зальдевших ложементов холод, //Негреющий огонь костра". Может быть, именно тогда, на чужой земле, и зародилось в нем то отвращение к войнам, которое во многом определило внешнюю политику Александра III.

Еще высились в столице триумфальные арки, воздвигнутые в честь победоносного русского воинства, возвратившегося на родную землю, а военные события уже оттеснились иными тревогами и заботами. Стоившая народу стольких жертв, война усилила критическое отношение в обществе к существующим порядкам, к верховной власти. Резкое вздрожание жизни, сказывавшееся прежде всего на трудовых слоях, способствовало всеобщему недовольству и возбуждению. Все, казалось, жаждали перемен — социальных и политических.

В деревне расползались слухи о грядущем "черном переделе" помещичьих земель и прирезке к наделу. Начались стачки рабочих в Петербурге и Москве: пролетариат не желал мириться с установленными условиями труда. Оживилась либерально-земская оппозиция: послевоенное устройство независимой Болгарии, которая по воле Александра II обрела свою конституцию, будоражило воображение российских либералов. В адресах-ходатайствах от ряда земств робко намекалось на необходимость участия в управлении представителей от населения. Впечатление общего брожения усиливали студенческие беспорядки в университетских городках. На глазах менялся характер революционного движения: от пропаганды народники переходили к

террору, выдвинув требование демократических свобод. В газетах замелькали сообщения о покушениях на представителей власти и о казнях первых террористов.

Наблюдая после возвращения с войны эту во многом незнакомую для него жизнь, которую лишь условно можно было назвать мирной, Александр Александрович не обнаруживает стремления разобраться в реальных корнях происходящего, понять истоки всеобщего недовольства. Для него как будто и не существует тех "проклятых" русских вопросов, над которыми бьется мысль славянофилов и либералов, демократов и социалистов. Он вроде бы не задумывается о причинах расстройств крестьянского хозяйства, бедствиях деревни, о мерах спасения ее от неурожая и голода. И следа нет таких дум ни в дневнике, ни в переписке наследника престола (с Победоносцевым, В. П. Мещерским, И. И. Воронцовым-Дашковым). Все неурядицы действительности, все ее беды, все ее неблагополучие он склонен считать следствием реформ 60-х гг., нарушивших нормальное течение русской жизни.

Охотнее всего текущие события Александр Александрович обсуждал с бывшим своим наставником: в окружении цесаревича никто столь же критически не был бы настроен к окружающей жизни, как Константин Петрович. Сблизило их и общее дело — содействие Добровольному флоту. Оно возникло под эгидой наследника, но душой его стал Победоносцев, горячо ратовавший за возрождение Российского флота. На добровольные пожертвования — по подписке — было приобретено несколько быстроходных пароходов, курсировавших от Одессы до портов Тихого океана. Использовались они для торговых перевозок, прибыль от которых предполагалось направлять на покупку новых судов. В случае войны все они превращались в военные крейсера.

Контакты Победоносцева с цесаревичем становятся чаще, а общение теснее. Они уже давно ощущали себя единомышленниками. Особенно соединила их растущая неприязнь к реформам 60-х гг. Невзлюбивший и земские учреждения, и новые суды, наследник с годами стал сомневаться в целесообразности крестьянской реформы, задаваясь вопросом: "С

уничтожением крепостного права не ослабла ли народная сила?" Константин Петрович с радостью замечает, что его отношения с цесаревичем становятся все теплее. "Иногда сижу у него, — признается он своему давнему другу Е. Ф. Тютчевой, — не испытывая того напряжения и ощущения, что чем скорее уйдешь, тем приятнее будет хозяину освободиться. Боже, как бы в нем мысль и воля окрепли".

Победоносцев не только возносит к небу свои молитвы, но и сам активно воздействует на "мысль и волю" наследника. Он последовательно, не боясь наскучить повторениями, внушает ему свою излюбленную идею, что "вся тайна русского порядка и преуспеяния наверху, в лице верховной власти". Если власть слабеет и распускается, слабеет и распускается и вся земля.

Подобные рассуждения вполне соответствовали как истинам, усвоенным наследником с детства, так и его нынешнему мироощущению.

Александр Александровичу были столь же ненавистны либеральные надежды на уступки и "послабления" самодержавного режима, сколь близок пафос передовиц "Московских ведомостей". Редактор официоза М. Н. Катков, также видевший в колебаниях власти причину общественного расстройств, призывал ее явить себя во всеоружии и "карающим мечом" искоренить крамолу.

Твердая позиция наследника — сторонника жесткой, репрессивной политики, противника каких-либо уступок общественным требованиям — определилась не без влияния катковской публицистики и доверительных бесед с Победоносцевым. В полной мере она проявилась после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., организованного народолюбцами.

"Утро провел у папа, — записывает Александр Александрович в дневник 7 февраля, — много толковали о мерах, которые нужно же наконец принять, самые решительные и необыкновенные, но сегодня не пришли к результату".

8 февраля, выступая на созванном царем совещании, наследник предлагает создать Верховную следственную комиссию с чрезвычайными полномочиями. Идея поддержки не получила, Александр II явно

колебался. В тот же день после совещания Александр Александрович обращается к отцу с письмом, где настаивает на своем предложении. И 9 февраля император решается на учреждение Верховной распорядительной комиссии с целью "положить предел действиям злоумышленников — поколебать в России государственный и общественный порядок". Во главе ее был поставлен генерал М. Т. Лорис-Меликов, наделенный неограниченными полномочиями.

Идея диктатуры с неизбежностью вызревала в "верхах" в этот кризисный для самодержавия период. На авторство — одновременно с Александром Александровичем — могли претендовать целый ряд приверженцев существующего строя. Еще в апреле 1879 г. (после покушения на Александра II землевольца А. К. Соловьева) М. Н. Катков в своих изданиях заговорил о необходимости в борьбе с крамолой исключительных мер, опирающихся не на закон, а на насилие. Для самодержавия и не было иного выхода из кризиса. Мера, которая представлялась Александру Александровичу "самой решительной и необыкновенной" оказывалась как раз самой обыкновенной и привычной для авторитарного режима.

В разгар правительственного кризиса наследник престола становится важной фигурой в развернувшейся борьбе группировок в "верхах", своего рода козырной картой, которую мечтают заполучить и непреклонные сторонники самодержавия, и либеральные администраторы. Ставка делалась разумеется, не на государственные способности Александра Александровича, а на его возможность влиять на императора, на решения Государственного совета и Комитета министров.

Едва ли не первым почувствовал усиление роли наследника К. П. Победоносцев. Побывав 26 февраля в Аничковом дворце на праздновании дня рождения Александра Александровича, он пишет своему верному confidentу Е. Ф. Тютчевой о необычайно многолюдном и представительном для этой резиденции приеме. Ему было с чем сравнить: накануне Константин Петрович посетил Зимний дворец, где пышно отмечалось 25-летие царствования Александра II. "Или люди чувт

уже восхождение нового солнца?" — задавался вопросом бывший профессор, ставший уже опытным царедворцем. Новоявленный диктатор М. Т. Лорис-Меликов усиленно "обхаживает" наследника. Александр Александрович знал о дружеских отношениях Лориса с Е. М. Долгорукой, но было известно, что диктатор посещает и больную императрицу — одинокую в своем горе, покинутую не только Александром II, но и его приближенными. Глава Верховной распорядительной комиссии демонстративно учитывал интересы цесаревича. Он ввел в ее состав не только самого Александра Александровича, но и близких ему генерала П. А. Черевина и К. П. Победоносцева. В апреле последний назначается обер-прокурором Синода, а в октябре — членом Комитета министров, хотя статус обер-прокурора этого не предусматривал.

Сколько раз в письмах к наследнику Победоносцев заверял его в том, что не ищет ни должностей, ни наград, а лишь бескорыстно служит истине и справедливости. Но Александр Александрович, по-видимому, неплохо разбирался в людях. В "смиренном христианине" он разглядел незаурядное честолюбие и властолюбие и постарался их удовлетворить: Победоносцев был ему нужен. Гордые заявления обер-прокурора Синода, что он довольствуется лишь "нравственной властью" и не стремится к иной, оставались фразой. Оказывать "нравственное влияние" Победоносцев был способен, лишь обладая властью политической. Именно такой в самодержавном государстве была власть над иерархами Церкви, давно уже ставшей частью государственной системы. А близость к наследнику неизмеримо усиливала могущество обер-прокурора Священного Синода.

Заинтересованность в наследнике и у Лорис-Меликова была велика. В марте 1880 г. Александр Александрович записывает в дневнике о визите Михаила Тариэловича в Аничков дворец и многочасовой беседе с ним. Диктатор заверял цесаревича, что "дал себе обет действовать не иначе как в одинаковом с ним направлении", находя, что от этого зависит успех порученного ему дела.

Александр Александрович поначалу встретил назначение Лорис-

Меликова главой Верховной распорядительной комиссии с энтузиазмом. Боевой генерал, прославившийся в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. взятием Карса, быстро справившийся с эпидемией чумы-ветлянки в Астраханской губернии в 1879 г., Лорис на посту харьковского генерал-губернатора показал незаурядные административные способности. Все, казалось бы, характеризовало его как деятеля, который действительно сможет "положить предел" всем покушениям на государственный порядок. Однако курс, проводимый диктатором, все более отклонялся от замысленного при учреждении Верховной распорядительной комиссии. Опытный и умный, наделенный острым политическим чутьем, Лорис-Меликов все яснее понимал невозможность преодоления кризиса власти с помощью одних только карательных мер. Не прекращая репрессий против революционеров, он попытался обрести поддержку общества, а для этого стремился учесть хотя бы некоторые общественные потребности.

11 апреля 1880 г. Лорис-Меликов представил царю доклад, где обосновал необходимость привлечения к обсуждению местных нужд представителей от дворянства, земства и городов. Еще ранее, 9 апреля, Лорис познакомил со своим проектом наследника — противодействия тот не оказал. Но в январе 1881 г., когда Александр II решил предварить рассмотрение плана Лорис-Меликова обсуждением проектов общественного управления, предложенных П. А. Валуевым и великим князем Константином Николаевичем, наследник высказался вполне определенно. Он выступал противником идеи представительства вообще как таковой.

28 января Лорис передал царю доклад, в котором вопрос о созыве общественных представителей получил еще более радикальное решение. Предусматривалось участие 10-15 выборных от них в Государственном совете при рассмотрении законопроектов, касающихся подготовленных преобразований. На созванных Александром II Особых совещаниях в Аничковом дворце (9 и 14 февраля) последовало общее одобрение проекта Лорис-Меликова. К. П. Победоносцев с горечью рассказывал Е.

Ф. Тютчевой о том, что обсуждение конституционных планов было от него сокрыто. Он потрясен тем, что "все (!) согласились на сей раз, что это дело невинное и благодеяние для России, коего Россия ждет". Восклицательный знак в этой желчной фразе о многом говорит. Ведь Константин Петрович хорошо знал неприязнь наследника к "конституционным затеям".

Сколько раз он убеждался в этом, обсуждая с Александром Александровичем идею представительства, ее приложимость к России. Воспринимая конституционные веяния в пореформенном обществе как реальную угрозу самодержавию, Победоносцев постоянно призывал цесаревича к бдительности, предостерегая, что настанет момент, когда льстивые люди "станут уверять Вас, что стоит лишь дать русскому государству так называемую конституцию на западный манер — все пойдет гладко и разумно, и власть может совсем успокоиться. Это ложь, и не дай Боже истинному русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться". Победоносцев встречал полное сочувствие наследника. И вот момент, которого они оба так страшились, казалось, наступил. Проект Лорис-Меликова не являлся, разумеется, "конституцией на западный манер", но он грозил внести новые начала в традиционные формы управления.

Тонкий политик Лорис-Меликов защищал свой план выборного представительства как антиконституционный. Он обрушивался в своем докладе на "лжеучения", пропагандирующие конституционные формы. Он отвергал мысль о каких-либо западных образцах, как чуждых духу народа, настаивая, что только самодержавие выведет страну из кризиса. Если он и не успокоил этими заверениями наследника, то, во всяком случае, затруднил возможность для возражений. Но, думается, главное, что определило позицию Александра Александровича, не только не возразившего против лорис-меликовского замысла, но и вместе со всеми за него проголосовавшего, было могущество всеильного тогда диктатора, пользовавшегося безграничным доверием Александра II.

Эта вынужденная поддержка проекта Лорис-Меликова лишь усилила

возрастающую неприязнь наследника к диктатору. Александр Александрович все более убеждался в несоответствии политики Лориса своему собственному пониманию диктатуры. Расхождения осложнялись и чисто личными мотивами. Впрочем, как уже говорилось, ничего личного у наследника престола быть не могло, все в его жизни — в том числе и семейной — становилось фактом политическим.

Стремясь продвинуть свой проект, Лорис-Меликов активно поддерживает план императора короновать княгиню Юрьевскую, ставшую после смерти императрицы Марии Александровны морганатической супругой Александра II. Именно введение представительного управления должно было, как разъяснял Лорис, дать основания для беспрецедентной в истории династии Романовых коронации.

Александр Александрович был шокирован этими планами едва ли не больше, чем самим морганатическим браком, заключенным слишком быстро после кончины его матери. Из его дневника видно, насколько болезненно он и Мария Федоровна воспринимали "легализацию" княгини Юрьевской в качестве новой жены царя, осуществлявшуюся при всемерной поддержке Лорис-Меликова. Ее появление на семейных обедах во дворце или в дворцовой церкви вместе с царской семьей, по признанию наследника, ставили его в фальшивое положение. И ему самому, и Марии Федоровне странно и тревожно было видеть своих детей вместе с детьми Юрьевской. С кончиной отца опасность, нависшая над семьей цесаревича, исчезла. Та, заботу о которой поручил ему отец, была незамедлительно удалена из дворца и навсегда отторгнута от императорской семьи. Но о роли Михаила Тариэловича в этой семейной истории, прямо касавшейся интересов династии, Александр Александрович не забыл. Именно ему теперь предстояло завершить обсуждение проекта Лорис-Меликова, назначенное покойным императором на 4 марта.

6 марта Лорис вручил Александру III свой "всеподданейший доклад" и проект правительственного сообщения о предстоящих изменениях в системе управления. В тот же день, 6 марта 1881 г., император получил

письмо Победоносцева, с этими документами уже ознакомившегося.

Заявляя, что "час страшный и время не терпит", Константин Петрович выдвигает альтернативу: "или теперь спасти Россию, или никогда". Он умоляет не слушать либеральных призывов и настаивает на немедленном и решительном разрыве с политикой Лорис-Меликова.

7 марта Победоносцев имел часовую беседу с царем, который, по-видимому, несколько успокоил его относительно своих намерений. А 8 марта — ровно через неделю после катастрофы, в воскресный же день, — состоялось обсуждение проекта Лорис-Меликова. В два часа пополудни в Зимнем дворце собрались великие князья, министры, обер-прокурор Синода. Приглашен был и консервативнейший член Государственного совета граф С. Г. Строганов, уже за возрастом от дел отставленный. Присутствовавшие, как и сам император, понимали, что речь будет идти не только и не столько о предложении Лорис-Меликова, сколько о дальнейшем пути России.

Официально Александр III еще не определил своей позиции перед лицом общества. Его заявление 2 марта перед членами Государственного совета и высшими чинами двора, приносившими ему присягу, было весьма расплывчатым. "Я принимаю венец с решимостью, — сказал он, вступая на престол. — Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им". Заявление звучало несколько двусмысленно, давая возможность разного толкования. Великое дело преобразований, начатое Александром II, велось им без должной последовательности и твердости. Реформатор, особенно во второй половине своего царствования, он отступал от собственных начинаний, тем самым предавая их. Слова нового царя способны были породить надежды и одновременно опасения и у либералов и у консерваторов. И вот наступил момент, когда позиция преемника Александра II должна была проясниться: продолжит ли он преобразования, в которых нуждалась Россия, или же откажется от них.

В центре обсуждения планов Лорис-Меликова и 8 марта в Зимнем дворце, и позднее — 21 апреля в Гатчине оказался вопрос о совместимости самодержавия и представительства. Либеральная

группировка в лице самого министра внутренних дел, военного министра Д. А. Милютина, министра финансов А. А. Абазы и их сторонников доказывала возможность полной гармонии между избранниками городского и земского самоуправления и верховной властью. Совещательный характер представительства, оставлявший все prerogatives самодержавия неприкосновенными, казалось, был тому порукой. Но ортодоксальные приверженцы самодержавной монархии этих доводов не приняли, усмотрев в проекте Лориса как раз угрозу ограничения самодержавия. Именно поэтому граф С. Г. Строганов, министр почт и телеграфа Л. С. Маков называли замысел министра внутренних дел вредным и опасным.

Наиболее резко о несовместимости самодержавного правления с общественным представительством высказался К. П. Победоносцев. Он прямо провозгласил, что осуществление проекта Лорис-Меликова будет гибелью России. Доказывая конституционный характер мер, предложенных министром внутренних дел, обер-прокурор Синода утверждал их несоответствие традициям и потребностям народа.

Численно противники "конституции" Лорис-Меликова оказались на заседании 8 марта в меньшинстве. Против созыва общественных представителей подали голос лишь К. П. Победоносцев, Л. С. Маков, С. Г. Строганов и К. Н. Посьет. Умеренные консерваторы (князя С. Н. Урусов и А. А. Ливен, принц А. П. Ольденбургский) воздержались от оценки доклада Лорис-Меликова, предложив еще раз вернуться к его обсуждению. Министра внутренних дел поддержали не только его ближайшие соратники (Д. А. Милютин, А. А. Абаза), но и государственный контролер Д. М. Сольский, министр просвещения А. А. Сабуров, министр юстиции Д. Н. Набоков, а также великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович. Мысль о необходимости уступок — хотя бы частичных — назревшим общественным стремлениям уже проникла и в высший эшелон власти а первые обсуждения планов Лорис-Меликова, состоявшиеся по воле Александра II, ее как бы узаконили. И тем, кто в ту пору поддержал

министра внутренних дел, еще трудно было перестроиться.

И все же оказавшиеся в большинстве сторонники преобразования в системе управления победителями себя не ощущали: все решало в конечном счете мнение царя, а оно достаточно ясно обозначилось на заседании. Не произнося речей, скупыми репликами Александр III дал понять, как он относится к реформам прошлого царствования и к их продолжению.

Важным "козырем" Лорис-Меликова была ссылка на волю Александра II, поддержавшего его начинания. В подготовленный им проект сообщения для печати о "всемиловитейшем решении" министр внутренних дел вписал новый фрагмент. Здесь говорилось о решимости Александра III "твердо следовать по пути, предуказанному в Бозе почившим незабвенным родителем", и "исполнить в точности родительский завет". Однако этот "козырь" был выбит императором из рук министра. Предваряя обсуждение, Александр III заявил, что "вопрос не следует считать предрешенным". Это было и своеобразным опровержением Лорис-Меликова, и одновременно приглашением к дискуссии.

Надо признать, что основания для подобной дискредитации ссылок на "волю державного родителя" существовали: воли своей покойный император так и не высказал четко и твердо. Останься он жив, трудно предугадать, чем бы закончилось назначенное им на 2 марта обсуждение в Совете министров лорис-меликовского проекта. Вполне возможно, что царь снова бы проявил нерешительность и отложил бы окончательное заключение. Александр Александрович не мог не знать о сомнениях, которые одолевали его отца — тот не скрывал их, уподобляя созыв представителей, предусмотренный планом министра внутренних дел, "Генеральным штатам" или "собранию нотаблей Людовика XVI".

Александр III вправе был считать, что вопрос о созыве выборных от земств и городов так и не был решен его отцом, и соответственно признать неуместными ссылки на его волеизъявление. Сам же он не скрывает своего отрицательного отношения к проекту Лорис-Меликова. В частности, утверждение графа С. Г. Строганова, что проект этот "прямо

ведет к конституции", Александр III сопроводил признанием: "Я тоже опасаясь, что это первый шаг к конституции". Российский самодержец обнаружил здесь явную близость к марксистской оценке плана Лорис-Меликова. Ведь и В. И. Ленин полагал, что его осуществление "могло бы при известных условиях быть шагом к конституции".

Отвага Победоносцева, столь резко выступившего против большинства министров, и объяснялась его осведомленностью о настроении нового царя. Со вступлением Александра III на престол Константин Петрович чувствовал себя как за каменной стеной, разоблачая вред либеральных начинаний. Еще недавно — в пору всецелия Лорис-Меликова — он и не пытался бороться с либеральной опасностью. Не пытался и наследника воодушевить на эту борьбу. Только когда Александр Александрович стал неограниченным повелителем страны, и он сам, и его бывший наставник ощутили возможность противодействовать планам, которые тайно ненавидели.

Александр III, однако, не спешил объявить войну либеральным администраторам во главе с Лорис-Меликовым. Медлил он и с традиционным для нового правителя заявлением о направлении своей политики. Он выжидал, изучая обстановку, хотя ему было "невыносимо и странно" слушать "умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма".

И все— таки и 8 марта в Зимнем дворце, и 21 апреля в Гатчине он внимательно вслушивался в речи тех, кто убеждал его в том, что, призвав выборных от общества, власть лишь укрепит свои позиции. Не только интуиция, политическое чутье и здравый смысл заставляли императора с заведомым недоверием отнестись к этим доводам. Курс на *status quo* самодержавия, на отказ от всяких новшеств диктовался и сложившимся типом мышления, приверженностью к исторической традиции. Опасность реформ для власти, претендующей на монополию в общественно-политической жизни, по-своему подтверждал и опыт

царствования Александра II. Кончина отца-реформатора являлась как бы грозным предупреждением тем, кто пытается изменить веками сложившийся порядок. В потоке писем, который в те мартовские дни 1881 г. получал Александр III, огромное впечатление на него произвела анонимная записка, пересланная им для ознакомления Победоносцеву и принадлежавшая, по предположению этого последнего, духовному лицу. "Отец твой не мученик и не святой",-обращался к императору автор, оспаривая расхожие определения Александра II в официальной печати. Он утверждал, что покойный царь "пострадал не за церковь, не за крест, не за христианскую веру, не за православие, а за то единственно, что распустил народ, и этот распушенный народ убил его".

"Мартовские иды" — так образно определил первые месяцы царствования Александра III в своем дневнике П. А. Валуев. Но роль Цезаря он отводил отнюдь не императору: обречен на поражение был Лорис-Меликов.

Представ блестящим политиком в пору, когда он пользовался поддержкой самодержца, Михаил Тариэлович оказался беспомощным и бессильным, лишившись ее. Ему так и не удалось сплотить и организовать своих сторонников — поначалу весьма многочисленных. Александр III с удовлетворением наблюдал, как от всемогущего недавно министра отпадали союзники, на которых он легковерно рассчитывал. Одни меняли свою ориентацию, уловив консервативный настрой нового царя, чтобы не повредить карьере. Другие — разочаровались в способности Лорис-Меликова отстаивать свой проект. Иных устранял и сам император. Так, великий князь Константин Николаевич, считавшийся главой либеральной партии в высших сферах, был отправлен в отставку и фактически изолирован от участия в политике. С братом Владимиром Александровичем Александр III, по-видимому, провел соответствующие "политбеседы". "Вы могли слышать, — пишет царь Победоносцеву 21 апреля 1881 г., — что Владимир, мой брат, совершенно правильно смотрит на вещи и совершенно, как я, не допускает выборного начала".

Либеральная группировка, судя по дневнику Д. А. Милютина, лишь в

двадцатых числах апреля попыталась заручиться поддержкой великого князя Владимира, но было поздно: он уже сделал свой выбор. Задумавший преобразование отживших форм государственности, Лорис-Меликов сам оказался прочно связан с ними, его действиям в полной мере присуща такая черта российской политической жизни, как патриархальность, персонификация отношений в политике. Неограниченная власть диктатора во многом основывалась на личном влиянии его на Александра II, на особой близости к нему. С приходом нового императора Лорис-Меликов вновь делает главную ставку именно на него. Борьба за свой проект, по сути, становится для министра внутренних дел борьбой за привлечение на свою сторону Александра III. Он, по сути, сам отказывается от общественной поддержки, цензурными карами пресекая выступления печати в защиту идеи представительного управления: расположение и доверие императора рассматриваются как главный залог успеха его начинаниям.

Поначалу Лорис-Меликову вполне могло показаться, что он близок к цели: именно ему поручает император переговоры с княгиней Юрьевской и наблюдения за ней. Конфиденциальные сообщения на эту тему, подготовляемые министром для царя, создают впечатление особой доверительности. Но Михаил Тариэлович ошибался. Для Александра III он и его соратники оставались прежде всего политическими противниками, неприязнь к которым усиливалась еще и личными мотивами. Представители либеральной группировки в той или иной мере все были связаны дружескими отношениями с княгиней Юрьевской. Ее доверием и симпатией пользовался великий князь Константин Николаевич, военный министр Д. А. Милютин крестил ее детей, а о роли Лориса в реализации матримониальных планов своего отца Александр Александрович никогда не забывал.

Поддерживавшие Лорис-Меликова либеральные администраторы — Д. А. Милютин, А. А. Абаза, Д. Н. Набоков, государственный секретарь Д. М. Сольский, — деятели способные, знающие, опытные, были на голову выше теснившихся вокруг Победоносцева — таких, как Л. С. Маков, С. Н.

Урусов, К. Н. Посьет, М. Н. Островский. Среди них не было ярких личностей, но этим посредственностям оказалось гораздо легче договориться между собой и сплотиться, чем их либеральным противникам. "Коалицией честолюбий" метко назвал либеральную группировку М. Н. Катков. Внутренняя ее разобщенность объясняется не только идейными разногласиями — свою роль играли и амбиции либеральных реформаторов, заглушавшие чувство ответственности перед страной.

Характерно, например, поведение П. А. Валюева. Автор более радикального проекта представительного управления, чем лорис-меликовский, он 8 марта 1881 г. в Зимнем дворце весьма вяло и неохотно поддержал этот последний. В дневнике он признавался, как тягостно ему выступать союзником Лориса: он хотел быть отделенным от его "клики" в глазах царя. Вроде бы сама идея участия общества в управлении ему дорога, но Валюев со злорадством наблюдает, как падает влияние Лорис-Меликова, как теряет этот "ближний боярин" свое могущество.

Стремительный взлет Лорис-Меликова к вершинам власти создал ему немало недоброжелателей. А вскоре отступившиеся от "премьера" в эти решающие дни весны 1881 г. уже скорбели о том, что "дикая допетровская стихия берет верх", не осознавая своего содействия этому.

Непреклонные сторонники самодержавия во главе с Победоносцевым между тем ждали от императора прямых и открытых заявлений о разрыве с политикой реформ. Промедление с соответствующим манифестом Победоносцев расценивал как слабование царя. На отсутствие воли у монарха он жалуется в письмах к Е. Ф. Тютчевой — предельно откровенных и потому посланных не по почте, а с верной оказией. В письмах к императору — почти ежедневных — Константин Петрович призывает к решительным действиям, объявлению о "новой политике". О том же вещал и М. Н. Катков, называвший себя "сторожевым псом" самодержавия. Его голос, почти неслышный в последние годы царствования Александра II, звучал все громче и увереннее. "Более всего требуется, чтобы показала себя государственная власть в России во

всей непоколебимой силе своей, ничем не смущенная, не расстроенная, вполне в себе уверенная".

Однако нетерпения и пыла своих ортодоксальных приверженцев император не разделял. Он шел к власти неспешно и осторожно, продумывая каждый новый шаг. Основательность — черта, изначально ему присущая во всем. Неопределенность его позиции в течение двух первых месяцев царствования вовсе не свидетельствует о безволии. Император внимательно присматривался к борющимся группировкам в верхах, к общественным настроениям. Регулярные доклады министров, начальника Главного управления по делам печати, записки, адреса, ходатайства, исходившие из разных общественных течений, убеждали, что идея участия общества в управлении через выборных представителей проникла в самые широкие слои. Своеобразным подтверждением тому явились непрекращавшиеся весной 1881 г. слухи о готовящемся манифесте с объявлением о созыве депутатов от общества. Изучая своих противников, знакомясь с предложениями и планами, касавшимися преобразований в управлении, царь не мог не увидеть, как трудно будет их авторам сговориться и действовать в одном направлении. Могли ли объединиться те, кто требовал передачи "общественных дел в общественные руки" (как Н. К. Михайловский), с теми, кто подобно Б. Н. Чичерину наряду с созывом представителей от населения ждал спасения от ужесточения режима, усмирения печати, укрепления самодержавия.

Послужить объединению либеральных и демократических сил мог бы лозунг Учредительного собрания, выдвинутый "Народной волей". Ведь народовольцы предлагали именно собранию народных представителей, созванному на основе всеобщего избирательного права, определить государственное устройство России. Обещали подчиниться его решению, даже если народные избранники санкционируют самодержавную монархию. Но забрызганная кровью убитого императора народовольческая программа не могла уже стать связующим началом в борьбе за государственное обновление. Революционеры дискредитировали ее своим способом действий. Те кто пытался завоевать

гражданские права с помощью динамита, вряд ли могли рассчитывать на доверие и поддержку общества. Оно устало от состояния внутренней войны, от напряженного ожидания предстоящих террористических акций и возможных переворотов.

Около пяти лет, начиная с русско-турецкой войны 1877— 1878 гг., Россия находилась в состоянии неурядиц — социального и политического. Трудности военного и послевоенного существования усугубились в 1880 г. из-за голода в Поволжье — вследствие неурожая. В обществе, несколько лет стоявшем на пороге революционных событий, все большее сочувствие находит мысль о твердой руке, способной навести порядок, обеспечить стабильность. Победоносцев был не так уж не прав, когда доказывал, что "смятенная и расшатанная Россия „жаждет“, „чтобы повели ее твердой рукой“. Тяга к твердой власти с ее чрезвычайными мерами, как реакция на затянувшуюся революционную ситуацию, сказалась и в либеральной среде, отразившись, в частности, в записке Б. Н. Чичерина, переданной Победоносцевым Александру III. Подобные настроения, которые, надо сказать, и император и Победоносцев склонны были преувеличивать, воодушевляли самодержца не менее, чем разброд и растерянность в рядах либеральной оппозиции. К концу апреля Победоносцев, следивший за малейшими душевными движениями императора, уловил, что тот почти готов внять призывам к решительному волеизъявлению, явив себя на троне самодержцем.

После совещания в Гатчине 21 апреля, где М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, А. А. Абаза снова доказывали преимущество представительных учреждений при самодержце и, не получив отпора, уехали этим обнадеженные, Победоносцев резко усиливает активность. В письме царю 23 апреля он делится соображениями о происходящем. Подтверждая факт повсеместных толков о готовящихся якобы переменах в управлении, он настаивает на том, что "для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени Вашего обратиться к народу с заявлением твердым и не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей". С этого

момента его письма становятся ежедневными. 25 апреля он напоминает: "Вчера я писал Вашему Величеству о манифесте и не отстаю от этой мысли", сообщая, что работает над его проектом. 26 апреля Победоносцев направляет императору редакцию манифеста, которая, по его словам, "совершенно соответствует потребности настоящего времени". Константин Петрович убеждает, что случай для объявления манифеста представляется прекрасный. В среду 29 апреля царь должен был впервые появиться в столице — на параде — после двухмесячного пребывания в Гатчине.

Благоприятность момента для манифеста была точно определена не только со стороны этих внешних обстоятельств. Главным было состояние духа самого императора, его умонастроение, которое его советник безошибочно распознал. Победоносцеву не раз случалось писать для Александра Александровича официальные документы, но всегда, разумеется, по его поручению. Впервые он взялся за это по собственной инициативе, и его не одернули: император будто ждал подобного "толчка". 27 апреля он телеграфировал из Гатчины: "Одобрю вполне и во всем редакцию проекта".

29 апреля манифест был опубликован. "Посреди великой Нашей скорби, — возвещалось в нем, — глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысел, с верой в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного, от всяких на нее поползновений".

"Нежданно-негаданно явился манифест...— записал 30 апреля 1881 г. в дневнике генерал А. А. Киреев, адъютант великого князя Константина Николаевича. — Он должен был явиться 2 марта. Явился очень кстати, ибо идеи конституционные и раздражающие о них толки слишком начали укрепляться".

"Нежданным-негаданным" манифест 29 апреля явился и для либеральных администраторов — он, можно сказать, застал их врасплох. Явившийся в результате сговора (заговора) царя и его советника, манифест готовился в глубокой тайне. Победоносцев специально просил

царя ни с кем не советоваться об этом их совместном предприятии, дабы оно не было в последний момент сорвано. И царь, надо отдать ему должное, оказался неплохим конспиратором.

Лорис— Меликов и его соратники, которые рассчитывали еще долго убеждать Александра в преимуществах представительного правления, были разобижены и возмущены подобными действиями за их спиной. Но Константин Петрович на случай, если бы они открыто высказали недовольство, подготовил и ответ им царя. Однако заготовленные им тезисы не понадобились. Лорис-Меликов, Милютин, Абаза (только они и подали прошения об отставке) ушли без шума, так и не узнав то, что же по наущению Победоносцева готовился сказать им Александр III. А доводы были весьма существенные: "Вы не конституционные министры. Какое право имели вы требовать, чтобы Государь в важных случаях обращался к народу не иначе как через вас или по совещанию с вами?" Вряд ли на это можно было что-либо возразить.

"Что означает отставка графа Лорис-Меликова? — задавался вопросом либеральный журнал „Русская мысль“. — Смена ли это только лиц или направлений?" "Призыв графа Лорис-Меликова к власти был началом новой эпохи; вот почему в удалении его от управления думаем видеть как бы окончание этой эпохи", — отвечал либеральный "Вестник Европы".

Впрочем, большинство либеральных изданий, еще недавно заявлявших о своей приверженности к общественному управлению, встретило манифест оптимистически. "Верховная власть ободряет и обнадеживает нас в эти дни тяжелых испытаний, — уверяла передовая газета „Порядок“. — Россия теперь знает свое будущее: в действиях учреждений, дарованных ей покойным государем императором, будут водворены „порядок и правда“, а это одно уже само по себе облегчит достижение и прочих целей, обозначенных манифестом".

Обещание самодержца навести порядок в земствах и судах, в котором ясно слышалась угроза контрреформ, "страна" также предпочла прочесть как посул дальнейших преобразований. В такой своеобразной форме

либеральная печать высказывала свои пожелания власти, принародно и гласно отказавшейся от каких-либо уступок общественным требованиям.

"Я вместе с Вами радуюсь происшедшей перемене, — писал Победоносцеву идеолог либерализма Б. Н. Чичерин по поводу обнародования манифеста 29 апреля, — потому что павшие, так называемые государственные люди, очевидно, шли ложным путем". Восприятие "царского слова" либеральной оппозицией во многом проясняет ее неспособность возглавить борьбу за гражданские права. Ставка на самодержавие вступала в противоречие с идеями свободы личности, законности, правопорядка, обрекая либералов на бессилие в освободительном движении. Убедительной альтернативы революционной демократии они так и не составили, способствуя тем самым ее росту.

В письме к Е. Ф. Тютчевой 1 мая 1881 г. Победоносцев, имея в виду издание манифеста 29 апреля и его восприятие в обществе, написал, что произошел "coup d'etat" [28] . Шутливое это выражение, однако, не лишено и серьезного смысла. Произошло нечто большее, чем смена правительства и даже правительственного курса. Прерывалась сама линия развития России на мирные преобразования, на реформы "сверху". Непоследовательная, зигзагообразная, эта линия все же ясно обозначилась в эпоху Александра II, вселяя надежды как антитеза революционному пути. Насильственный обрыв этой политической линии говорил о смене самой концепции перспектив развития России. При всей своей непоследовательности и противоречивости политика Александра II предусматривала движение вперед. Разрыв с реформизмом грозил стране "попятным" движением.

Манифест 29 апреля 1881 г., возвращающий, по словам М. Н. Каткова, "русскому народу русского царя самодержавного", объявлял ту "новую политику", которой домогались сторонники абсолютной монархии. Приводя отрывки из манифеста, "Таймс" заключала, что он "достаточно ясно указывает на действительное направление внутренней политики страны". Отмечалось, что циркулировавшие в Петербурге и за границей предсказания "конституционных перемен „не оправдываются“.

В российской истории часто драматическое соседствует со смешным. Манифест 29 апреля прозвали "ананасным", имея в виду нарушавшую его торжественно-велеречивый стиль фразу: "А на Нас возложить священный долг самодержавного правления". Автором поначалу считали Каткова: ведь именно он, называвший себя "сторожевым псом" самодержавной власти, яростно защищал ее "от всяких на нее поползновений". Но Победоносцев не скрывал своей роли в появлении "царского слова", как и того, что за образец был взят манифест Николая I 19 декабря 1825 г. Тень деда — императора Николая Павловича — будет сопровождать Александра III на протяжении всего его царствования.

Весна 1881 г. дала новые доказательства того, что самодержавие отвергает любые посягательства на свои прерогативы и вести переговоры с этой властью можно только с позиции силы. Но такой общественной силы, с которой царь должен был считаться, не оказалось. Дело, разумеется, не в том, что у народолюбцев не хватило ресурсов продолжить борьбу: новые покушения на царя только оттолкнули бы общество, в котором росло отвращение к террору с его подкопами, выстрелами и динамитными взрывами. Так и не сложилась либерально-демократическая коалиция, которая могла бы оказать натиск на самодержавие, заставить власть пойти навстречу общественным требованиям. Сторонникам представительного правления расхождения в их программах показались более существенными, нежели сходство. Способность политических сил к объединению, к компромиссам — черта развитого гражданского общества, к которому Россия делала только первые шаги.

В той огромной почте, которая направлялась к Александру III в первые дни его царствования, изобилующей планами преобразований, доносами, угрозами, советами, как уберечься от супостатов, было и послание от тех, кто вынес и свершил смертный приговор его отцу. Отпечатанное на веленовой бумаге специально для императора, оно одновременно распространялось по стране в виде прокламации, обычным для народолюбческой печати тиражом (2-3 тыс.).

"Ваше Величество, — обращался к Александру III Исполнительный комитет „Народной воли“. — Вполне понимая то тягостное настроение, которое Вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время". Народовольцы заявляли, что не ставят условий: "Условия, необходимые для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей". В письме утверждалась необходимость созыва представителей от народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни. Впредь до решения Народного собрания правительство должно допустить свободу слова, печати, сходов. Предусматривалась и амнистия по всем политическим преступлениям. Социалистических требований в письме ИК не было. "Итак, Ваше Величество, решайте", — призывали народовольцы, утверждая, что если политика правительства не изменится, то "страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершат процесс разрушения старого порядка".

Царь не ответил на письмо "государственных преступников". Но он игнорировал и вполне умеренные требования тех, кто действовал в рамках легальности. Нельзя было не увидеть, что при всем различии устремлений и "нигилисты", и земская оппозиция, и либеральная бюрократия сближались в признании необходимости привлечения к делу управления общества, народа.

Письмо ИК "Народной воли" Александру III прочно вошло в арсенал революционной литературы, неоднократно перепечатывалось подпольными типографиями, гектографировалось, распространялось в переписанном от руки виде и в царствование Николая II.

Именно императору Николаю Александровичу пришлось стать свидетелем исполнения народовольческого пророчества.

Провозглашенное Катковым "возвращение самодержавия" сопровождалось массовыми арестами, высылками, репрессиями,

полностью обезглавившими и обескровившими "Народную волю". Александр III верил в действенность террора не меньше, чем его враги-народовольцы. Но насилие могло породить только насилие. Прервать эту цепную реакцию, проявить добрую волю, отказаться от возмездия призвал императора великий русский писатель. Л. Н. Толстой в искреннем душевном порыве обратился к Александру III с письмом, где призывал его к милосердию. Сторонник непротивления злу насилием, он не сочувствовал террористам, не оправдывал их. Думая о судьбе России, переполненной враждой и насилием, писатель просил царя отказаться от казни тех, кто по законам Российской империи ее заслужил. Только милосердие, убеждал Толстой, способно оздоровить общество, заставить его всмотреться в себя, вдуматься в происходящее без ненависти и злобы. Нельзя бороться с революционерами, "убивая, уничтожая их", убеждал писатель. "Не важно их число, а важны их мысли. Для того чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себя их идеал".

Письмо Толстого шло к царю сложным путем. Победоносцев, к которому через критика Н. Н. Страхова обратился Лев Николаевич, отказался передать его императору. От Страхова оно попало в руки историка К. Н. Бестужева-Рюмина (одного из основателей Высших женских курсов, известных в обществе как "бестужевские"). Тот передал письмо писателя великому князю Сергею Александровичу, который и вручил его царю.

Александр III не считал нужным ни пригласить к аудиенции, ни написать писателю, чья слава давно перешагнула пределы России. Через тех же посредников он "велел сказать графу Льву Николаевичу Толстому, что, если бы покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийца отца он не может простить". Цена этого царского слова станет ясной, когда речь пойдет о казнях новых первомайцев.

Призыв о милости прозвучал и в публичной лекции В. С. Соловьева — профессора Петербургского университета и Высших женских курсов.

Философ, снискавший популярность своей критикой отвлеченности христианских истин от жизни, ратовавший за их активное применение на практике, собирал огромные для того времени аудитории. "Сегодня судятся и, верно, будут осуждены на смерть убийцы 1 марта, — обратился он к слушателям. — Царь может простить их. И если он действительно вождь народа русского, если он, как и народ, не признает двух правд, если он признает правду Божью за правду, а правда Божья говорит: "Не убий", то он должен простить их".

В переполненном зале Кредитного общества, где собралось около тысячи человек — цвет столичной интеллигенции, студенты, курсистки, — эти слова встретили овацией. Лишь несколько офицеров и дам в знак протеста покинули лекцию. Молодежь вынесла Соловьева из зала на руках. Его речь, отпечатанная на гектографе, распространялась довольно широко, а самому философу публичные выступления были запрещены. Но царь все-таки не решился на высылку Соловьева, как и на лишение его профессорского звания, хотя эти меры и обсуждались. Немалую роль сыграло то обстоятельство, что возбудивший царский гнев философ был сыном известного историка С. М. Соловьева, преподававшего эту науку Александру Александровичу, который после кончины историка в 1879 г. по совету Победоносцева обратился к семье Соловьевых со словами участия и поддержки.

По-видимому, не только Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев — два ярких мыслителя, являвшихся идейными противниками, пытались остановить руку монарха, готовую подписать смертный приговор первоапрельцам.

30 марта 1881 г. встревоженный Победоносцев обобщает свои наблюдения на эту тему в письме к царю: "Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавить осужденных преступников от смертной казни". Ссылаясь на мнение народа, которое ему, "жившему среди народа", хорошо известно, он требовал возмездия. Константин Петрович мнил себя истинным христианином, а Толстого и Соловьева — еретиками. Он и веру Достоевского воспринимал как "розовое христианство", хотя при случае любил сообщить, что старец

Зосима из "Братьев Карамазовых" — романа, читавшегося тогда нарасхват, — был задуман при его, Победоносцева, участии. Но поучения героя Достоевского "любить человека во грехе", "побеждать зло смиренной любовью" оказались непригодными для обер-прокурора Святейшего Синода, когда речь зашла об интересах власти.

Царь был полностью солидарен с главой русского духовенства. "Будьте спокойны, — ответил он Победоносцеву, доносившему о просьбах о помиловании, — с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь". Повешенных оказалось пять — А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков. Гесе Гельфман казнь была отсрочена ввиду ее беременности. Она сама умерла после того, как у нее отняли родившуюся девочку. Надо ли говорить, что казнь первоапрельцев 3 апреля 1881 г. в глазах молодежи превращала их в героев-мучеников и способствовала пополнению рядов "Народной воли". В откликах на казнь народовольцев в европейской печати справедливо утверждалось, что для террористов "законы цивилизованных стран не предусматривают снисхождения". Но здесь же признавалось, что противостояние самодержавной власти и революционной партии еще более обостряется этой казнью, которая не в состоянии ликвидировать самого заговора против существующей государственной системы.

Есть какая-то символика в этих пяти виселицах, ознаменовавших начало царствования Александра III, подобно тому как казнями пятерых декабристов был отмечен приход к власти Николая I. Но, в отличие от своего деда, Александр III, подобно отцу, чувствует себя не только охотником, но и дичью. Он вынужден скрываться от внутренних врагов, объявивших ему войну, принимать всемерные предосторожности против покушений на свою жизнь. Чтобы представить атмосферу, в которой жил император в первые месяцы своего правления, достаточно перелистать письма Победоносцева того времени. "Когда собираетесь ко сну, извольте запирайте за собой не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной", — наставлял Константин Петрович царя,

напоминая о необходимости каждый вечер осматривать "под мебелью, все ли в порядке". По-видимому, вера в неприступность и всемогущество власти помазанника Божьего на земле пошатнулась и у самых твердых ее приверженцев. Согласимся, что самодержец, ищущий злоумышленников у себя под кроватью, отнюдь эту веру не укреплял.

Паническим настроениям в окружении Александра III способствовал и недостаток точной информации о положении дел в революционном подполье. Некоторые подследственные намеренно сообщали завышенные данные о резервах "Народной воли". Но и среди приближенных императора нашлись такие, кто в своих целях нарочито подчеркивал опасность, подстерегающую его везде и повсюду. Таким оказался петербургский градоначальник Н. М. Баранов, назначенный на этот пост по рекомендации Победоносцева после марта 1881 г. Н. Баранов не останавливался перед прямым враньем, рассказывая о заговорах, якобы им раскрытых. Он обнаруживал злоумышленников в самых неожиданных местах столицы, в Зимнем дворце и на подступах к Гатчине — роющих подкопы, закладывающих мины, готовящих новые покушения. Этим мистификациям невольно способствовал Победоносцев. Плохо разбиравшийся в людях, Константин Петрович восхищался энергией и способностями своего ставленника вплоть до его полного разоблачения. Когда Баранов был отправлен губернатором в Архангельск, обстановка в столице несколько разрядилась.

Трусом Александр III не был. Но постоянное ощущение опасности развило в нем мнительность. Напряженное ожидание внезапного нападения сделало его невольным виновником гибели офицера дворцовой стражи (барона Рейтерна, родственника министра финансов). При неожиданном появлении царя в дежурной комнате офицер, куривший папиросу, спрятал ее за спину. Заподозрив, что он прячет оружие, Александр III выстрелил.

Основным местом пребывания императора становится Гатчина. Современники называли его "гатчинским пленником". Его поспешный отъезд после похорон Александра II в Гатчину в зарубежной печати

расценивали как бегство. И жители столицы, и европейская общественность были поражены отсутствием царя в Петербурге на панихиде на 40-й день после кончины отца, а также на Пасху. Безвыездное сидение в Гатчине порождало всевозможные толки, в том числе и слухи о болезни императора. Победоносцев, донося о них, настойчиво, но безуспешно звал Александра Александровича появиться в столице: тот как бы не слышал этих призывов. Современникам уже не дано было узреть императора гуляющим по столичным улицам или в Летнем саду, где Маша Миронова повстречала Екатерину II и где — до покушения Каракозова — Александр II назначал свидания Е. М. Долгорукой. Все перемещения Александра III совершались под усиленной охраной, предваряемые порой нарочито неверной информацией о времени выезда и маршруте. Тот царский выезд, что изображен А. Блоком в поэме "Возмездие" — с толпящимся у дворца народом, собравшимся поглазеть на самодержца, стал возможен лишь в 90-е годы: "В медалях кучер у дверей//Тяжелых горячил коней, //Городовые на панели//Сгоняли публику...„Ура“//Заводит кто-то голосистый, // И царь — огромный, водянистый, //Ссемейством едет со двора..." В начале 1880-х гг. выезд "со двора" совершался как можно скромнее и незаметнее.

Особая привязанность Александра III к Гатчинскому дворцу вызывала у современников невольные ассоциации между ним и Павлом I. Судьбу Павла I предсказывали ему такие разные писатели, как Н. С. Лесков и П. А. Кропоткин. Несмотря на полное несходство внешности и характеров двух императоров, многие в окружении Александра III говорили о какой-то их неуловимой близости. Преследуемый в собственном царстве, загнанный в Гатчинский дворец, Александр III действительно чем-то напоминал Павла I, здесь же обреченно ожидавшего своей страшной участи. Сходство усиливаюсь и тем обстоятельством, что жены двух императоров были полными тезками.

Образ этого представителя династии Романовых сопровождал Александра Александровича с детства. Шести лет от роду, в форме

рядового лейб-гвардии Павловского полка, в который был записан при рождении, он стоял на часах у памятника Павлу III в Гатчине при его открытии 1 августа 1851 г. Интерес к эпохе Павла I у Александра Александровича никогда не угасал. В Гатчинском дворце сохранялся архив Павла I, который пользовался неизменным вниманием Александра III. Он лично содействовал документальному изданию "Архива Государственного совета в царствование императора Павла I" (СПб., 1888 г.). Когда княгиня М. А. Мещерская (урожденная Панина) прислала ему документы из семейного собрания с целью опровергнуть участие в заговоре против Павла I графа П. Н. Панина, император, хотя и не согласился с этой версией, попросил разрешения оставить их у себя.

Кабинет Павла в Гатчинском дворце сохранялся в неприкосновенности. Его украшал портрет императора в облачении гротескмейстера Мальтийского Ордена кисти Тончи, писанный во весь рост. На отдельном столике, на куске штофа лежало принадлежавшее Павлу Священное Писание. Как рассказывали впоследствии дворцовые слуги, Александр III приходил сюда молиться. После всего этого уже не кажется случайностью, что царице, искавшей подарок Александру Александровичу на Рождество, А. А. Половцев посоветовал приобрести мраморный барельеф Павла. Думается, к концу своего царствования Александр III больше, чем кто-либо, знал о Павле I — этом едва ли не самом загадочном из русских самодержцев. Не пытавшийся изложить эти знания в обобщенном, систематизированном виде, Александр Александрович многое унес с собой.

Построенный архитектором Ринальди для фаворита Екатерины II Г. Орлова Гатчинский дворец имел все, чему положено быть во дворце, — бальные залы, картинную галерею, библиотеку, роскошные апартаменты бельэтажа. Но семья Александра III занимала комнатки с низкими потолками, предназначавшиеся скорее для прислуги. Их в свое время облюбовал и Павел I. Дворец был одновременно и крепостью. Расположенный на лесистой возвышенности, окруженный озерами Белым, Черным и Серебристым, он был защищен рвами со сторожевыми

башнями, откуда потайные лестницы вели в царский кабинет. Здесь имелся подземный ход к озерам, а также подземная тюрьма. Именно в этом средневековом замке Александр III чувствовал себя по-настоящему дома. Он не любил Зимний дворец — слишком свежи были воспоминания о взрыве, от которого чуть не погиб его отец. Возвращаясь из Петербурга в Гатчину, он, по свидетельству Марии Федоровны, от удовольствия начинал "отбивать шаг" прохаживаясь по дворцу. Императрица, тянувшаяся к светской жизни с ее балами, раутами, зрелищами, любившая общество, тяготилась пребыванием в Гатчине, хотя и безропотно смирялась с временной изоляцией, сознавая ее необходимость. Гатчинская резиденция — не просто быт царской семьи, это и своеобразный символ александровской монархии, стремящейся искать опору в прошлом, удержать его в исторических реалиях, укрыться в нем от живой жизни.

Манифест 29 апреля послужил сигналом к смене правительства и перегруппировке сил в "верхах". 30 апреля подал в отставку министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, вслед за ним — министр финансов А. А. Абаза и военный министр Д. А. Милютин. А. А. Сабуров был смещен с поста министра просвещения несколько ранее, а великий князь Константин Николаевич не только лишен должности главы морского ведомства, но и удален от двора вообще.

Отставки либеральных администраторов были неизбежны — Лорис-Меликов и его соратники не годились для того, чтобы охранять самодержавную власть "от всяких на нее поползновений". Это были люди, убежденные, что вывести страну из кризиса, превратить в действительно великую державу может только "решительное движение вперед в смысле улучшения политического и экономического строя государства".

Отстоять свою позицию они так и не смогли, но и не изменили ей, не предали ее. Со своих постов уходила блестящая плеяда государственных деятелей, политиков, администраторов, самой этой жизнью, казалось, призванных к ее преобразованию. Вместе с ними уходила и надежда на

реформы "сверху" — мирным путем.

Образованных и способных, мыслящих по-государственному на чередѣ власти сменяли лишѣнные каких-либо дарований, озабоченные собственной карьерой, готовые не столько служить, сколько прислуживаться.

Сам царь признавал, что генерал П. С. Ванновский, поставленный во главе военного министерства, не был сколько-нибудь достойной заменой Д. А. Милютину. Но начальник штаба Руцукского отряда был, что называется, "свой" человек — лично преданный именно Александру Александровичу, одинаково с ним думавший о том, какой быть России. Оставались на своих постах и те, кто заявил о поддержке манифесту 29 апреля, который на протяжении весны являлся своеобразным „тестом“ на пригодность к службе при новом императоре. „Сегодня утром был у меня Набоков, — пишет 30 апреля Александр III Победоносцеву, — который вовсе не находит ничего обидного для себя в манифесте и вполне разделяет сущность манифеста“. Так же как министра юстиции, не смутил манифест и государственного контролера Д. М. Сольского, хотя и он тоже примыкал к группировке Лорис-Меликова, до поры поддерживая либеральные начинания.

Знаниями, опытом и известной независимостью среди вновь назначенных министров выделялся Н. Х. Бунге, сменивший А. А. Абазу, а также А. П. Николаи, ставший в апреле 1881 г. министром просвещения. За стремление исходить не из партийных, а из общегосударственных интересов они воспринимались самодержавными ортодоксами как чужаки, подвергались травле в официальной и официозной печати.

Несколько пестрое по составу, это правительство соответствовало переходному характеру начала царствования Александра III. Соответствовала ему и фигура министра внутренних дел, пришедшего на смену Лорис-Меликову, — графа Н. П. Игнатьева.

Имя это проявилось в переписке царя с Победоносцевым еще в первые дни марта. Советуя поскорее удалить Лориса, Победоносцев рекомендует на его место Н. П. Игнатьева с характерной оговоркой: "Возьмите его на

первый раз". По-видимому, и Александру III назначение Н. П. Игнатьева представлялось временным. Граф сделал карьеру на дипломатическом поприще, приобретя популярность содействием удачному для России Сан-Стефанскому мирному договору. Тяготевший к славянофилам, Игнатьев не имея твердых убеждений и принципов — в политике склонялся на сторону силы. Будучи министром государственных имуществ в правление Лорис-Меликова, поддерживал его, но после первоапрельской катастрофы начал быстро сближаться с Победоносцевым. Зыбкость нравственных устоев Игнатьева, его склонность к интригам и лжи не смущала ни Константина Петровича, ни царя — им по душе пришлись рассуждения Игнатьева о российской государственности как твердыне с незыблемыми принципами, о нерасторжимом единстве народа и царя, о жидях и поляках как главных виновниках смуты в отечестве. В переписке Александра III с приближенными весной 1881 г. Игнатьев характеризуется как "истинно русский" человек, подлинный патриот, на которого "вполне можно надеяться".

Понятие "русскости" служит здесь не национальной, а прежде всего политической характеристикой. Быть "истинно русским" в сознании императора означало почитать историческую традицию, связанную с самодержавием и православием, признавая изначальное преимущество отечественных форм государственной жизни перед европейскими. С этой точки зрения в глазах Александра III ни Дмитрий Алексеевич Милютин, посвятивший себя усилению мощи и боеспособности российской армии, ни Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, доблестный участник Кавказской и русско-турецкой войн, не были патриотами: они посягнули на изменение российской государственности. Победоносцев с удовлетворением пересылает императору записку неизвестного приверженца казенного мирозерцания, где утверждается, что Лорис-Меликов не понимает России и русского народа. При этом имелась в виду вовсе не армянская национальность министра, а его тяготение к либеральным мерам, по мысли автора — вредным и губительным для

страны. "Граф Игнатъев, — откровенничал Константин Петрович в письмах к Е. Ф. Тютчевой, — человек не из чистого металла, напротив, весь из лигатуры, но в нем звенит серебро русского инстинкта, если бы не оно, эту монету надо бы выбросить далеко-далеко".

Щедрые объяснения Н. П. Игнатъева в любви к России, национальным достоянием которой, священным и неприкосновенным, он признавал самодержавие, во многом определили выбор нового министра внутренних дел. Александр III, как и его ближайшее окружение, узрели в Игнатъеве некий антипод Лорис-Меликову, и это решило дело. Константин Петрович не сомневался, что под его контролем и руководством дурные черты характера Николая Павловича не смогут сказаться на его деятельности. Стоит отметить, что граф Игнатъев счел контроль и руководство со стороны обер-прокурора Синода вполне правомерными. Опека Константина Петровича над министром внутренних дел не только не тяготила последнего — Игнатъев и сам постоянно обращался к нему за инструкциями и советами, будь то меры по отношению к печати, местному самоуправлению или же, говоря современным языком, кадровые перестановки.

Управляя Игнатъевым, Победоносцев порой приходил в ужас от лжи и изворотливости министра. Но, сознавая, что Игнатъев "весь сплетен из интриги и лжет и болтает невероятно", считал, что, "кроме его, выставить в настоящую минуту некого". Поистине для неограниченной монархии настали времена, когда исполнилось пророчество Исайи: "Десятеро ухватятся за одного негодяя".

Положение самого обер-прокурора Синода еще более упрочилось после выхода манифеста 29 апреля. Начало 1880-х гг. — это кульминация его деятельности как ближайшего советника царя. В эти первые годы царствования его роль была исключительной — никто из окружения Александра III не мог претендовать на подобную, никто так близко не стоял у трона российской империи. Для Александра Александровича он был не только верным соратником, который помог в час роковой борьбы одолеть противников. Константин Петрович оказался нужен как

опытный политик, способствующий становлению царской стратегии и тактики на новом этапе. Их единомыслие в понимании "новой политики" самодержавия порой поражало царя. "Это правда странно, как мы сходимся мыслью", — вырывалось порой у императора, получавшего очередной совет Константина Петровича.

Начало царствования, когда сам Александр III призвал Победоносцева "облегчить" ему его "первые шаги", характеризуется полной гармонией в их отношениях. С Победоносцевым обсуждались кандидаты на новые должности, ему поручались переговоры с ними, а также составление многих важных официальных бумаг. Но главное — правительственный курс вырабатывался императором при его теоретической и политической поддержке. Ни одно мероприятие в государственной сфере Александр III не провел, не согласовав его предварительно с Победоносцевым.

Константин Петрович остается для императора важнейшим источником информации. Он более обстоятельно и широко знакомился с печатью разных направлений — столичной и провинциальной, с цензурными делами. Близость к царю сделала обер-прокурора Синода своеобразным центром притяжения самых разных общественных сил. Он, как никто, много знал о стремлениях и планах группировок в высших сферах.

Именно к нему обращаются их представители с записками, письмами, планами и проектами, стремясь довести их до царя. Константин Петрович, как ни один министр, мог ответить на все вопросы царя, но еще чаще обращался к нему по собственной инициативе, как бы упреждая их. Поистине он был незаменим для Александра III в первые трудные годы царствования, а влияние Победоносцева на царя, как и его могущество, казалось, не имело пределов. К нему обращались министры и чины высшей администрации за рекомендациями и инструкциями, зная о его осведомленности о позиции царя в том или ином вопросе. Через Победоносцева делались важные государственные дела, его связи, его поддержка или, напротив, противодействие в Комитете министров или в Государственном совете значили очень много.

А. А. Блок, увлекавшийся александровской эпохой, которая помогала

ему постигать современность, увековечил Победоносцева как некий ее символ в поэме "Возмездие". Победоносцев уподоблен здесь сове — птице, живущей во тьме не выносящей солнечного света и, по приметам, приносящей несчастье. В набросках к поэме значится: "1 марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова". Думается, картина, созданная воображением поэта, иллюзорна: на троне сидел только его тезка — Александр Александрович Романов, не оставлявший места ни для кого другого. Сама мысль о том, что он с кем-то делит власть, не то что уступает ее, была для самодержца невозможна. Это и определило в дальнейшем непростое развитие его отношений с Победоносцевым.

И волеизъявление Александра III 29 апреля 1881 г., и увольнение им либеральных министров, казалось бы, ясно давали понять о его намерениях. Однако в обществе еще сохранялись иллюзии относительно его политического курса. Царистские иллюзии и сопровождавшее их ожидание честного, разумного и справедливого монарха были свойственны отнюдь не только крестьянству — ими была заражена и интеллигенция. Мучительно трудно оказалось расставаться с надеждами на изменение существующего порядка "сверху"— волею царя, без потрясений.

Потребность в следующем шаге к преобразованиям, к гражданскому обществу была настолько сильна, что и наиболее просвещенные слои общества готовы были принять желаемое за действительное. Слухи о новом повороте в политике Александра III, о случайности его первых шагов циркулировали и летом 1881 г. Так, начальник Медико-хирургической академии профессор Н. И. Козлов рассказывал М. Е. Салтыкову-Щедрину как нечто вполне достоверное, как царь жалеет, что расстался с Лорисом и Милютиным, и "это якобы только вопрос времени, что Лорис вновь будет у дела". И Щедрин с его проницательностью и скептицизмом не только верит этому, но и спешит поделиться полученными сведениями с другими... Однако императору для его "новой политики" нужны были совсем иные люди, чем Лорис-Меликов и его соратники.

Думая о выходе из кризиса, Александр III не предполагал никаких реформ — источник кризиса он искал не в социально-экономическом положении страны и не в отсталости ее политического строя, а в ложных, занесенных с Запада идеях, помутивших общественное сознание. Но предстоявшая борьба за укрепление власти мыслилась совсем не в идейной области.

В сентябре 1881 г. вступило в действие "Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия". На территориях, объявленных на исключительном положении, вводились чрезвычайные меры: генерал-губернаторы и градоначальники получали особые полномочия. Административные высылки без суда, военные суды, закрытые судебные процессы — все эти меры, к которым имели право прибегать местные власти, становились, по сути, нормой авторитарного государства, все более сближавшегося с тоталитарным в области карательной политики. "Положение об охране" подтверждало неспособность самодержавия управлять на основе собственных же законов. Объявленное как временная мера, оно просуществовало вплоть до 1917 г.

После издания "Положения об охране" Александр III распускает Священную дружину — добровольную тайную организацию, созданную для защиты царя в марте 1881 г. Во главе ее стоял великий князь Владимир Александрович, в числе руководителей — граф И. И. Воронцов-Дашков, князь А. А. Щербатов, князь П. П. Демидов-Сан-Дonato. Возомнившая себя неким карательным орденом, Священная дружина имела список лиц, подлежащих уничтожению, куда заносились русские и европейские революционеры, а также лица, им сочувствующие и помогающие. Если ставкой в борьбе народовольцев была их собственная жизнь, то члены дружины собой не рисковали. Они создали целую сеть шпионов и провокаторов. Одним из способов действия предполагался наем бретеров, вызывавших на дуэль намеченную жертву. С кодексом дворянской чести это плохо согласовывалось, зато вполне совпадало с принципом "цель оправдывает средства", который имел своих

сторонников и в революционной среде.

Не без помощи Каткова и Победоносцева Александр III понял опасность этой организации, возникновение которой встретил благосклонно. Взяв на себя карательные функции, но действуя вне закона, Священная дружина по-своему подрывала авторитет власти, подтверждая ее неспособность расправиться самой со своими врагами.

Манифест 29 апреля, несомненно, ударил по конституционным стремлениям, они, по выражению Н. П. Игнатьева в одном из докладов царю, "стали замирать". И все же их отзвуки то и дело доходили до верховной власти, свидетельствуя о живучести враждебных ей тенденций. Мысль о необходимости общественного представительства содержалась порой в самых верноподданнических записках, где обличались всякие притязания на ограничение абсолютной монархии. Либерал Б. Н. Чичерин доказывал, что только с помощью представительного законосовещательного органа власть обретет нужную ей силу в борьбе с революционным движением и престиж в обществе. Да и некоторые консерваторы видели в привлечении общественных представителей способ стабилизации положения в стране. Они не собирались наделять депутатов какими-либо правами, отводя им чисто ритуальную роль, но доказывали, что без таких перемен самодержавие не сможет ни сохранить, ни укрепить себя. Это едва ли не главная мысль книги графа И. И. Воронцова-Дашкова и генерала Р. А. Фадеева "Письма о современном состоянии России", составленной из писем авторов к Александру II, в течение 1881 -1882 гг. выдержавшей ряд изданий в России и за границей.

И после апрельского манифеста 1881 г. продолжали поступать адреса от земств, призывавшие царя "войти в непосредственное общение с землей" — через земских депутатов. Такие просьбы исходили от Новгородского, Тверского и Черниговского земств, но царь догадывался, что они не исключение, а скорее лишь более смелые выразители общих земских настроений.

В январе 1882 г. к Н. П. Игнатьеву обратился И. С. Аксаков. Идеолог

славянофильства предложил министру план, "способный посрамить все конституции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе". Речь шла о Земском соборе с прямыми выборами от сословий на основе имущественного ценза, обеспечивающего первенство крупных землевладельцев. Из 4 тысяч выборных 1 тысяча предполагалась от крестьян.

"Всенародное" подтверждение собором необходимости самодержавия заставило бы "замолкнуть всякие конституционные вождедения". Честолюбивый, ищущий популярности Игнатъев внял этим предложениям, вознамерившись получить одобрение царя. Его расчеты основывались на приверженности императора к казовой, ритуальной стороне монархического правления, к ее давним традициям. Он, в частности, вспоминал о симпатии к Земскому собору как атрибуту русской старины, которую высказывал Александр Александрович при их встрече в 1876 г. в Крыму. Поводом к созыву собора должна была послужить предстоящая коронация Александра III, которая все откладывалась из-за нестабильной обстановки.

В начале марта 1882 г. Игнатъев и заговорил с императором о Земском соборе, созыв которого сделал бы коронацию особо праздничной и исполненной глубокого смысла. "Я напомнил Его Величеству мои беседы с ним о Земских соборах и сказал, что самое благоприятное время для возобновления исторического предания — день коронации", — рассказывает министр в своих "Воспоминаниях".

В записке, явно предназначенной для царя, Игнатъев доказывает, что, разрешая Земский собор, самодержец ничего не уступает из своей власти, а лишь находит "верное средство узнать истинные нужды страны".

Доводы в пользу созыва Земского собора Игнатъев, судя по его воспоминаниям, приводил и в еженедельных докладах царю. Министр внутренних дел, не получая прямого одобрения, не встретил и отпора. Уверенный в благоприятном исходе, он продолжал все решительнее

претворять свой план в жизнь. 30 марта 1882 г. министр внутренних дел составил проект манифеста о созыве Земского собора, а 12 апреля представил его Александру III на утверждение.

Подготовка манифеста велась в тайне. Консультантами Игнатъева были И. С. Аксаков и рекомендованный им как специалист по Земским соборам славянофил П. Д. Голохвастов. Однако в то время, как сообщники переписывались с помощью условного шифра, в Министерстве внутренних дел благодаря несдержанности Игнатъева о его планах прознали многие. Катков, у которого здесь были свои осведомители, первым забил тревогу. В дело, разумеется, активно вмешался и Победоносцев. Несмотря на запрет обсуждать вопросы государственного устройства в печати, Катков разразился рядом передовиц, где и обличал и высмеивал либеральные иллюзии, связанные с созывом депутатов от народа. Перебирая славянофильские доводы в пользу собора, который "положит конец нашему нравственному неустройству", "пересоздаст русскую землю", "изведет самодержавную власть из плена бюрократии", издатель "Московских ведомостей" предлагал задуматься о главном. "Если речь идет о Земских соборах в смысле старого времени, то и учреждать нечего, потому что их никто не отменял", — резонно заявлял он, доказывая, что "русский царь имеет, несомненно, право призывать и созывать, когда окажется надобность, людей разных сословий по тому или иному вопросу". Если же подразумевается другое учреждение, грозно предостерегал он, то это будет уже нечто новое и с самодержавием несогласуемое. "Вообразите, что кто-то предложил бы созвать Земский собор, — приглашал Катков читателей, называя такое предложение открытой крамолой. — Разве не того хотели Желябов и Нечаев?" Подобная мера свидетельствовала бы о неспособности правительства держаться самому. "Если наше правительство кому-то кажется слабым, нуждающимся в сборе людей, которые сами не знали бы, зачем они призваны, не следует ли искать причин этой слабости в неспособности ее случайных органов?" А в "Русском вестнике" Каткова в очерках Н. А. Любимова под характерным названием "Против течения" (начатых еще до

первомартовской катастрофы) продолжался анализ уроков французской революции. "Когда в стране от тех или других причин распространено недовольство существующим порядком, а власть в то же время слаба, то для правительства нет ничего опаснее представительных собраний и нет ничего выгоднее для революции".

Отзвуком этих выводов, возможно, явились тревожные мысли императрицы: Игнатьеву пришлось успокаивать Марию Федоровну, что судьба Марии-Антуанетты ей не угрожает.

Не надеясь только на публицистику своих изданий, Катков в мае 1882 г. обращается к Александру III с письмом, убеждая в рискованности затеи с Земским собором. "При государственном маразме всякая интрига, всякое враждебное дело могут иметь успех", — запугивал он царя, прибегая к выражениям отнюдь не деликатным. Впрочем, он знал, что слова о маразме власти будут отнесены к итогам предшествующего царствования, хотя сам толковал их шире.

Не без помощи Каткова и Победоносцева Александр III спохватился, что дело зашло слишком далеко. "Я все более и более убеждаюсь, что гр. Игнатьев совершенно сбился с пути и не знает, как идти и куда идти, так продолжаться далее не может. Оставаться ему министром трудно и нежелательно", — подводил царь в письме к Победоносцеву итоги их общим наблюдениям 15 мая 1882 г. При этом ни он, ни его адресат не вспоминали более о патриотизме Игнатьева и его русском характере. А ведь министр попытался извлечь элемент государственной жизни из недр российской истории. И текст манифеста в изобилии украсил ссылками на национальные традиции, на "великих предков наших". Возмечтав о представительном правлении, Николай Павлович потерял в глазах императора свою "русскость".

27 мая в Петергофе на созванном Александром III совещании Игнатьеву было предложено зачитать заготовленные им манифест и рескрипт на имя министра внутренних дел с объявлением о созыве Земского собора. (Император вынул их из своего стола.) Документы эти подверглись сокрушительной критике присутствовавших: К. П. Победоносцева,

председателя Комитета министров М. Х. Рейтерна, министра просвещения И. Д. Делянова, министра государственных имуществ М. Н. Островского. Напрасно Игнатъев пытался оправдаться, доказывая, что подготовляемая им акция чисто успокоительного характера и не претендовала на изменения в системе управления. "Государь перебил меня с неудовольствием, — рассказывает он, — и в раздраженном тоне сказал, что доверие его ко мне было полное и неограниченное до моего возбуждения вопроса о соборе, который я преследую непонятной настойчивостью". Здесь же император во всеуслышание заявил, что "согласия своего на созыв собора он не дает". Но ведь эта акция, как уже говорилось, готовилась вовсе не за спиной царя, не без его ведома. Склонный ко лжи, Николай Павлович мог и в своих воспоминаниях многое присочинить, мог преувеличить степень сочувствия государя своему замыслу, мог для красного словца от себя добавить, что тот был до слез растроган текстом манифеста о созыве собора. Но он никогда бы не пошел против воли императора. Угодливый и несмелый, Николай Павлович был достаточно чуток к настроениям самодержца — своеобразному политическому барометру, которым он руководствовался: Игнатъев думал прежде всего о своей карьере, он вовсе не готовился в борцы или герои и никогда бы не осмелился противоречить царю.

Но Александр III до времени своего отношения к созыву Земского собора не высказывал. Он даже несколько подыгрывал своему министру в той беспокойной и не во всем ясной для него обстановке. Но акция Игнатъева вышла из-под контроля императора. Испугавшись последствий, он отказался от всякой причастности к замыслам министра внутренних дел, по сути предав его. А министр (он вовсе не был Лорис-Меликовым), в свою очередь, предал свой проект, полностью отрекшись от него.

Отворачиваясь от преобразований, Александр III все менее боялся общественного противодействия. Его высказывания о неколебимости самодержавия становятся все более категоричными. Он уже не называет вопрос о представительстве "непредрешенным", то есть дискуссионным. Александр Александрович решил его жестко, определенно и, по его

мнению, окончательно. "Я слишком глубоко убежден в безобразии выборного представительного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует по всей Европе", — заявил он, давая понять, что переходный период правления кончился вместе с отставкой Н. П. Игнатьева.

Началось царствование Александра III.

Назначение нового министра внутренних дел графа А. А. Толстого было, пожалуй, более определенным и весомым заявлением о разрыве с политикой преобразований, чем манифест 29 апреля 1881 г. "Имя гр. Толстого само по себе уже есть манифест, программа", — метко выразился Катков, приветствуя указ о новом назначении в "Правительственном вестнике". Толстой "представляет собой целую программу", "имя его служит знаменем целого направления", — вторил Победоносцев.

Дмитрий Андреевич Толстой принадлежал к ортодоксальным "охранителям", непримиримым противникам реформ 1860-х гг. Если либералы воспринимали его как обскуранта то и в среде разумных консерваторов он не снискал популярности по причине своих взглядов — крайних и односторонних — и по личным качествам. "Человек неглупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не видевший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидевший всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение" — такую характеристику дал Толстому Б. Н. Чичерин, не склонный сгущать краски в отношении современников.

В свое время отставка Д. А. Толстого с поста министра просвещения и обер-прокурора Синода, которой М. Т. Лорис-Меликову удалось добиться с огромным трудом, расценивалась в обществе как огромная победа. Тогда, в апреле 1880 г., всем, да и самому графу Толстому, казалось, что

его карьера государственного деятеля завершилась. И вот на новом повороте истории самодержавия он вновь признан и призван.

Александр III, неплохо разбиравшийся в людях, постоянно сетовал на недостаток личностей честных, правдивых и светлых, считая их для своей эпохи "огромной редкостью". "А пожалуй, и есть, — иронизировал он, — да из ложного стыда скрываются". Александр Александрович вряд ли мог узреть в Толстом светлую личность. Соглашаясь с Победоносцевым, что у Толстого "громadne недостатки", он остановил на нем выбор, имея в виду прежде всего пригодность для проведения курса на "обновление России", предусматривавшего натиск на реформы 60-х годов, колебавшие устои самодержавия. И надо сказать, что император не разочаровался в своем избраннике. При всем карьеризме и своекорыстии, Толстой руководствовался в первую очередь интересами власти. Личность это была по-своему цельная, по убеждениям монолитная и на фоне ближайшего окружения Александра III казалась крупной и значительной. Смерть в 1889 г. министра внутренних дел император воспринял тяжело. "Потеря гр. Толстого для меня страшный удар, и я глубоко скорблю и расстроен", — делился он переживаниями с Победоносцевым. И то же записал в дневнике: "Скончался бедный гр Толстой. Страшная потеря. Грустно"

Грустить было о чем. Таких, кто, подобно Толстому, был "тверд в мнении и решителен в мерах", все меньше оказывалось в поле зрения царя. Назначенный на место Толстого И. Н. Дурново уступал ему не только в твердости и решительности, но и в уме и образовании. Однако, занимая должность товарища министра внутренних дел, он прошел выучку Толстого, это и определило выбор Александра III.

Уволив либеральных министров и призвав к управлению надежного соратника, царь наконец решается на коронацию. Откладывать ее далее было невозможно: в истории династии правление некоронованного самодержца более двух лет по восшествии на престол — случай беспрецедентный, своего рода свидетельство глубокого кризиса власти.

Манифест, назначавший коронацию на май 1883 г., был объявлен 1

января. В конце 1882 г. правительство через посредников предпринимает переговоры с "Народной волей", дабы обеспечить безопасное и спокойное течение предстоящих торжеств. Однако в результате массовых арестов и "откровенных показаний" ряда революционеров становится ясно, что продолжать борьбу народовольцы не в состоянии, и переговоры с ними прерываются. В феврале 1883 г. была схвачена полицией В. Н. Фигнер — последний член ИК "Народной воли" первого состава, остававшийся на свободе. "Слава Богу! Эта ужасная женщина арестована!" — воскликнул царь при этом известии, как рассказывали позднее Вере Николаевне. Она вспоминает, как А. Ф. Добржинский (товарищ прокурора Петербургской судебной палаты), перебирая ее снимки, о особым ударением сказал прокурору Н. В. Муравьеву: "Надо выбрать хороший: вы знаете для кого". Рассматривая фотографию народоволки, гордое и горькое выражение ее красивого лица, Александр III уже знал, что в революционной организации не осталось ни деятелей подобного масштаба, ни прежнего энтузиазма и решимости в борьбе.

Но уверенности в безопасности в собственной стране у самодержца по-прежнему не было: в Москву на коронацию он ехал, тщательно скрывая от подданных время выезда и "ощетинив свой путь часовыми". В первопрестольной столице полицейские меры предосторожности были приняты "и самые мелкие, и самые крайние, но достаточно маскированные". Так, "массы" народа, заполнившие Кремль, большей частью были набраны полицией.

Разумеется, допуск на церемонию коронации в Успенский собор в Кремле был ограничен — его удостоились лишь представители высшего чиновничества и аристократии.

В частности, Министерство двора отказало в приглашении на торжество М. Н. Каткову: ни по происхождению, ни по социальному положению этот ярый защитник сословных привилегий не мог присутствовать среди родовой знати царской свиты и иностранных послов. В письме к царю он униженно добивался этой милости, доказывая, что "достоинство знамени", которому он служит, делает его присутствие на "священной

коронации" необходимым.

Зато Победоносцев мог быть доволен — на коронации он оказался в ближайшем окружении царя. В письме к А. Г. Достоевской, вдове писателя, он назвал эти майские дни 1883 г. в Москве "поэмой коронования". Выражение показалось ему удачным: он повторил его в ряде писем, в том числе и к царю. С упоением описывает он проявления "всенародной любви" к императору на московских улицах. Константин Петрович искренен в своем пафосе, но нельзя не отметить, сколь произвольные манипуляции с понятием "народ" он себе позволяет. Грандиозное шествие, в которое превратились похороны Ф. М. Достоевского, в восприятии Победоносцева было толпой, оскорблявшей его в самых святых чувствах. А вот толпу, заполнившую московские улицы в дни коронации, он именовал народом, выражавшим "истинно национальные свои черты".

Между тем энтузиазм москвичей, принадлежавших к разным социальным слоям, был столь же неподделен, сколь мало свидетельствовал о серьезном выборе в пользу неограниченной монархии. И все же в те майские дни людей влекло на улицу не только ожидание праздника, жажда зрелищ и даровые угощения. Каждый народ в основе своей консервативен — он тяготеет к прочности, устойчивости бытия и потому уже чтит традиции. Такой традицией на Руси была и царская власть. В массе народа царь воспринимался как изначальная принадлежность русской действительности — почти как природное явление. Пословицы и присловья многих поколений по-своему свидетельствуют об этом.

Решишь тогда Александр III на созыв Земского собора — депутаты скорее всего санкционировали бы монархию в ее специфически царистской форме. Не случайно к такому прогнозу склонялись самые разные по убеждениям подданные империи. Достоевский, много и мучительно размышлявший над проблемой "царь и народ", не сомневался, что "серые зипуны", "мозольные руки" подтвердили бы свою приверженность "царю-отцу". Но ведь и ярые противники самодержавия — народовольцы предусматривали возможность подобного волеизъявления

Учредительного собрания. Обещая ему подчиниться, революционеры оставляли за собой право агитации за свою программу. Да и Александр III, не сомневавшийся, что народ своего царя любит и почитает, предвидел благоприятный для династии исход Земского собора. Самодержец боялся не народного мнения и народной воли, он страшился непредвиденных итогов и последствий подобного обращения к подданным. Да и с точки зрения основ официальной идеологии оно было неуместным. Власть, по природе своей призванная быть всемогущей и недосыгаемой, не должна была обращаться к обществу за подтверждением своей законности и целесообразности. Для самодержавия это было бы проявлением несостоятельности.

Именно коронация должна была продемонстрировать в глазах всего мира единство царя и народа, всенародное признание самодержавной монархии. Капризная майская погода ничуть не помешала торжеству. Напротив, непредвиденные перемены в ней были удачно обыграны в передовой Каткова. "Когда появлялся царь перед народом, являлось и солнце во всем облике своих лучей, скрывался царь из глаз народа, небо покрывалось облаками и шел дождь. Когда выстрелы орудий известили о свершении таинства, облака мгновенно разошлись", — рассказывал московский публицист, явно намекая на участие в процедуре высших небесных сил.

Подобные же погодные метаморфозы зафиксировали в дневниках П. А. Валуев и А. А. Половцев, отметившие, что дождь прекратился и солнце заблестало, когда процессия во главе с царем направилась в Успенский собор. Окруженный представителями древних дворянских родов — Апраксиных, Голицыных, Гагариных, Мещерских, Уваровых, Юсуповых, — Александр III принял царский венец и миропомазание. Читая уставную молитву, он был заметно взволнован. О чем думал коленапреклоненный император, ощутив на голове бриллиантовый клубок в форме короны? О многотрудном пути к этой торжественной минуте? О предстоящей борьбе за подлинное, не обрядное утверждение своей власти? Присутствовавшие заметили слезы на его лице...

Торжество, по выражению П. А. Валюева, явилось "поистине торжественным". Александр III был как бы создан для подобного рода ритуалов. "Что-то грандиозное в нем было, — выразил свое впечатление от царя В. И. Суриков, присутствовавший в Успенском соборе, где, по словам художника, Александр III оказался „выше всех головой“. Есть нечто символическое в том, что казавшийся могучим исполином самодержец в действительности был человеком нездоровым. Смолоду часто болел — в том числе и совсем не царскими болезнями (перенес, в частности, брюшной тиф). Рано обнаружилось нелады с почками. Болезни оставляли свой след в виде явных и скрытых недугов. Они подтачивали царский организм, заведомо сокращая срок пребывания Александра Александровича на троне. Но в момент своего торжества он, не достигший еще и сорока лет, выглядел полным сил и здоровья

Русоголовый, русобородый, с голубыми глазами, взгляд которых казался светлым, Александр III в восприятии В. И. Сурикова явился "истинным представителем народа". Действительно, в облике царя было нечто мужицкое, нарочито подчеркнутое костюмом. Когда для официальных приемов не надо было облачаться в мундир, Александр Александрович предпочитал зипун, поддевку, солдатские сапоги с простежки заправленными в них штанами. Его трудно вообразить в лосинах и ботфортах — привычном одеянии Николая I и Александра II: он был лишен присущего им аристократизма. На коронации Александр III был в парчовой мантии, эффектно развевавшейся от его широкого шага.

Церемония, освященная многовековой традицией, тщательно подготовленная, оказалась действительно грандиозным и впечатляющим зрелищем. Обрядовая сторона монархии с ее ритуалом коронации сохранилась и сейчас в ряде стран, где монархи царствуют, но не правят. Сохранилась как некий символ разумного консерватизма, связующее звено между прошлым и настоящим, знак преемственности между историей и современностью. В России свержение самодержавия сопровождалось искоренением связанной с ним символики и обрядов. Это определилось не только ходом революционных событий, но в немалой

степени самими представителями династии Романовых, оставившими по себе недобрую память.

18 мая вслед коронации состоялось освящение храма Христа Спасителя, строительство которого, растянувшееся на десятилетия, наконец завершилось. Александр III, присутствовавший на церемонии, издал по этому случаю манифест. Задуманный как памятник воинам-победителям в войне 1812 года, храм должен был остаться "памятником мира после жестокой брани, предпринятой не для завоевания, но для защиты Отечества от угрожавшего завоевателя". Предполагалось, что он будет стоять "многие века в знак благодарности до позднейших родов вместе с любовью и подражанием идеалам предкам". Храм Христа Спасителя простоял не намного более, чем самодержавие, — полстолетия с лишним.

А тогда, в мае 1883 г., далеко над первопрестольной столицей разносился звук его колоколов. Храм в эти весенние дни был переполнен народом, и стоявшие вокруг толпы внимали льющимся из него песням Рождества Христова и радостным гимнам вознесения.

Коронация, как водится, сопровождалась раздачей царских милостей — титулов, награждений, орденов, ценных подарков. Были сложены недоимки, прощены штрафы. Однако политической амнистии, хотя бы частичной, которой так ждали в связи с коронацией, не последовало.

Не оправдались и слухи об отмене "Положения об охране".

Милости изливались главным образом на приближенных царя — одних бриллиантов было роздано на 120 тысяч рублей. Раздавались эти награды, разумеется, не из личных средств царя, а из казны. Между тем, унаследовав громаднейшее состояние отца, Александр Александрович оставался самым богатым человеком в Российской империи. Драгоценности царской семьи оценивались примерно в 160 млн. рублей. Важным источником дохода были земли и владения удельного ведомства, оценивающиеся в 100 млн. золотом. Около 200 млн. рублей Александр оставил в заграничных банках. Рачительный хозяин, Александр приумножил богатства Романовых и попытался упорядочить их

распределение между членами царской семьи. На основе указа Павла I об императорской фамилии, он в 1886 г. издал свой, вносящий уточнения в регламентацию доходов членов Дома Романовых. В частности, каждому новорожденному в царской семье выделялся из казны капитал в 1 млн. рублей. Каждый из великих князей по достижении совершеннолетия получал ежегодную ренту в 200 тыс. рублей. Установленные правила должны были обеспечить царской фамилии "и в существование и деятельность, направленные к пользе дорогой сердцу нашему родине". Но судьбу династии определили не царские указы.

Одним из видов приращения богатств стало для царя собирание предметов искусства и живописи. Коллекционером Александра III вряд ли можно назвать: его увлечение не подчинялось личным вкусам, интересам и пристрастиям. Он относился к собирательству скорее как к выгодному вложению капитала. Стягивал в свои дворцы все ценное, что попадалось в его поле зрения. Скульптуры, ковры, фарфор, картины уже не помещались в галереях Зимнего и Аничкова дворцов. Гатчинский замок превратился буквально в склад несметных сокровищ.

Основание собрания живописи Александра III положили картины, подаренные ему отцом, а также оставшиеся от брата Николая Александровича. Еще в 1870-е гг., будучи наследником, он приобрел (за 40 тыс. руб.) богатейшую коллекцию Русской живописи золотопромышленника В. А. Кокорева. Пополнявшееся и покупками, и приносимыми в дар картинами, царское собрание живописи включало в себя всех выдающихся художников XVII-XIX вв. Здесь, судя по каталогу, находились Д. Левицкий, В. Боровиковский, В. Тропинин, А. Венецианов, С. Щедрин, К. Брюллов, И. Айвазовский, К. Верещагин, Ф. Бруни, К. Маковский, Н. Крамской, К. Савицкий и много других прославленных имен. Здесь же были и не любимые им передвижники, и третируемый за антихудожественность И. Репин, и не раз запрещавшийся к выставкам по идейным соображениям Н. Ге.

Западная живопись в собрании Александра III менее интересна и

значительна. Он приобретал порой полотна модных художников, не оставивших серьезного следа в истории искусства.

Многие из картин покупались через подставных лиц-царю пришлось бы платить дороже. Но Александр III не останавливался и перед значительными тратами, пополняя свою коллекцию. Покупая "по случаю" картины современных художников за ничтожную даже для той поры цену (40-50 руб.), он выкладывал тысячные суммы за произведения самых дорогих тогда живописцев — И. Айвазовского, К. Брюллова, П. Федотова.

Император не любил жанровой живописи, предпочитая портретную и пейзажную, и с особым пристрастием относился к батальной. Но предметом его подлинного увлечения была иконопись. Понимавший в ней толк и обладавший тонким вкусом, К. П. Победоносцев доставлял императору "в дар" подлинные шедевры безвестных мастеров. Александр III охотно принимал в качестве подарков художественные ценности. За подношением обычно следовала аудиенция, где даритель мог изложить свою просьбу. Некоторые дарители просто стремились заручиться расположением царя на будущее: он не забывал оказываемых ему услуг такого рода. Никто, и в том числе Победоносцев — обличитель взяточничества и коррупции в "верхах", не считал такого рода подношения подкупом. Царь был не только главой государства, он провозглашался отцом своих подданных, а с точки зрения этих патриархальных отношений дары ему как главе огромного семейства от его "детей" считались вполне допустимыми.

Но те же идейные соображения заставляли порой и отвергать подарки. Так, в 1891 г. во время поездки наследника Николая Александровича в Японию через Дальний Восток буряты-ламаиты вознамерились подарить царской семье одного золотого и восемь серебряных (позолоченных) идолов в две четверти аршина ростом. Этого подношения в голодном 1891 году хватило бы на нужды голодающих. Но Победоносцев успел предупредить об опасности: благосклонность императора к иноверцам могла быть истолкована в том смысле, что "их вера так же уважаема верховной властью, как православная".

Дары бурятов не были приняты.

Александр III был одним из самых набожных российских самодержцев. Его вера — искренняя, неформальная — была выражением естественной тяги к опоре, которая казалась единственно твердой. Усилить самодержавие без помощи религии в последней четверти XIX века было попросту невозможно. Теоретические доводы с их ссылками на историческую традицию, самобытность "русского пути", отрицательный опыт европейских конституционных государств оказывались явно недостаточными для подтверждения целесообразности существования власти, в глазах общества себя изжившей. Здесь требовалось нечто иррациональное. Провиденциализм в идеологии самодержавия при Александре III получает осязаемое преобладание: идея царя-помазанника Божьего на земле первенствует в провозглашении самодержавной монархии неизменной принадлежностью российской истории и вершиной ее государственности. Самодержец — не только наследник династии, но и преемник кесарей. Божественное происхождение его власти, Божественный Промысел как основа его политики противопоставляются всем покушениям на неограниченную монархию как кощунственным и еретическим.

Ссылки на Божью волю, как и упования на милость Божью, постоянно мелькают в дневнике и письмах императора. Ими пестрят его манифесты, рескрипты, указы. Исполнение церковных обрядов император почитал неуклонной обязанностью. Наиболее важные богослужения, (великопостные на Страстной неделе или пасхальные) он посещал в Исаакиевском, Петропавловском соборах или Александро-Невской лавре, отстаивая их до конца, истово молясь и наслаждаясь церковными песнопениями. Духовную музыку любил более, чем светскую. Прекрасные службы были и в дворцовых церквях, где были собраны певчие высокого класса и излюбленные царем грандиозные сочинения Бортнянского "Ныне силы", "Чертог твой", "Вкусите и видите", "Да исправится" исполняли не хуже, чем в главных храмах столицы. Но Александр Александрович любил и простые обедни, справляемые

единственным священником в Ливадии, Царском Селе, Петергофе. Он охотно жертвует на постройку новых церквей и восстановление древних, на монастыри, но требователен к исполнению ритуалов и обрядов — согласно установленной регламентации. Вторгаясь в сферу деятельности Синода, император проявлял к некоторым частностям внимание, достойное государственных проблем. Он мог, например, горячо обсуждать вопрос, где священник должен носить орден — на рясе или на ризе, настаивая на первом варианте. Он искренне негодует, не застав дежурного монаха у святых мощей при своем внезапном посещении Александро-Невской лавры " Требую, чтобы этого больше не было — непростительно. Пора, кажется, привести эту орду в лавру". В этом гневном окрике столь же мало уважения к священнослужителям, сколько велико сознание их вторичной, подчиненной по отношению к самодержавию роли.

Обвинения Александра III в клерикализме, встречающиеся в литературе, ошибочны. Император вовсе не думал усиливать политические позиции духовенства: руками церковников он хотел укрепить свою власть. Собственно, он и воспринимал Церковь как часть государственной системы, подвластную общим законам управления. Когда киевский митрополит Филофей, уподобляясь Иоанну Златоусту, обличавшему царей, упрекнул Александра III за отдаление от народа, император предложил освидетельствовать его умственные способности. При всей своей набожности самодержец не потерпел бы критики и отцов Церкви.

Надо ли говорить, что идея церковноприходских школ (начальных школ, отданных в ведение Церкви) нашла полное одобрение у царя. Более, чем знания, Александр III ценил веру, вполне разделяя мысль своего первого публициста Каткова, что "только через горнило церкви должны прийти к народу знания". Закон 1884 г., разрешавший наряду с земскими школами создание церковноприходских, был, по объяснению Каткова, "первым проблеском того серьезного попечения, которое правительство намерено уделить столь важному государственному делу, как народное образование". Лишь отсутствие средств, которых у правительства всегда

не хватало на образование, — в отличие от земств, открывавших новые школы, — помешало предоставить преимущества церковным училищам перед светскими, на чем настаивал обер-прокурор Синода.

Религиозные убеждения Александра III не отягчались сомнениями: он изначально, как аксиому, принял догматы религии, усвоив их вместе с детской молитвой. Вопросы, которые бесконечно тревожили и мучили русские умы, — поиски доказательства бытия Божия, бессмертия души — не занимали царя. Веру его можно было бы назвать детски простодушной, наивной, если бы не утилитарный подход императора к религии, стремление использовать ее в целях политических. Считавший себя истинным христианином, Александр III в государственной деятельности не только не руководствовался заповедями Христа, но как раз склонен был подчинять их политическим задачам. Не случайно обращавшиеся к нему как к христианину за милосердием нашли в нем только самодержца, непримиримого и беспощадного к врагам. Личностное отношение к противникам самодержавия у Александра III было значительно сильнее, чем у его отца. В тех кто покушался на существующий порядок, он видел прежде всего своих собственных врагов. Он никогда не пытался понять идеи тех, кого относил к "государственным преступникам". Следственные дела революционеров просматривал только с целью узнать об их планах и намерениях. Скупые пометки на полях, сделанные собственной рукой его императорского величества: "мерзавец", "подлец", "негодяй", говорят, что он отнюдь не смотрел на взбунтовавшихся "русских мальчиков" как на сбившихся с пути и вовсе не думал о том, как их вернуть на правильную дорогу. Карая их, самодержец удовлетворял прежде всего жажду отмщения. "Мечь, узаконенная правосудием" — так точно определил репрессии против революционеров князь-бунтовщик П. А. Кропоткин.

Не случайно Александра III глубоко возмутила картина Н. Ге "Что есть истина?". Христос изображен здесь объясняющим Пилату свое осознание истины: он видит в Пилате пусть заблудшего, но человека, и хочет быть им понятым. Ревнителю православия — царь и обер-прокурор Синода —

узрели в этой картине, которой восхищался Л. Н. Толстой, разрушение образа Христа и запретили ее выставлять. По-видимому, у Александра III был свой Христос — нетерпимый к инакомыслящим, взывающий не к прощению и покаянию, а к отмщению, к беспощадной расправе с врагами. И надо признать, что только такой образ Спасителя и мог вдохновлять в борьбе за власть.

Вера императора сочеталась с самыми темными суевериями, которые при нем получают широкое распространение. Александр Александрович склонен был в окружающем мире усматривать различные знамения, зловещие или благие приметы. Порой они оказывали прямое влияние на его поведение, заставляя принять то или иное решение или отказаться от очередного начинания.

Когда во время грозы в мае 1881 г. был разрушен обелиск Павла I в Гатчине, это произвело на императора устрашающее впечатление. Восприняв событие как знак беды, он с семейством тут же покинул Гатчину, выехав в нелюбимый Петербург. 17 октября 1888 г. царский поезд, идущий с юга, потерпел крушение в пункте Борки — в 50 км от Харькова. Семь вагонов оказались разбиты вдребезги, но разрушенная крыша того, в котором ехала семья царя, образовала нечто вроде купола, и все здесь остались целы. Крушение это, по выражению одного из царедворцев, стало весьма счастливым в политическом смысле. В специальном манифесте Александра III событие 17 октября оценивалось как знак Божьего благодарения. До конца своей жизни и Александр Александрович, и его наследник будут отмечать эту дату как день проявления милости Божией к династии Романовых. Николай II не забудет о ней и в дни революции 1905-1907 гг. и во время войн — русско-японской и мировой. Отец и сын черпали в событии 17 октября 1888 г. необходимую долю оптимизма, уповая и впредь на Божий Промысел.

"Праздник крушения" — так окрестили обыватели торжества по случаю благополучного возвращения в столицу царского семейства — длился несколько дней. В церквах служили благодарственные молебны,

воспитанники учебных заведений были освобождены от занятий, толпы людей вышли на улицу посмотреть на торжественную процессию во главе с императором и его семьей. В общем хоре славословий как-то потонуло сознание того, что для многих людей и семей случившееся явилось подлинной катастрофой: двадцать человек погибли в аварии, семнадцать, и среди них два офицера, были тяжело ранены. Характерна изданная генералом Богдановичем картинка для народа: обломки царского поезда, груда тел убитых и раненых — а в отдалении царь с семьей в сиянии небесных лучей.

Министр путей сообщения К. Н. Посьет был отправлен в отставку, но в обществе ходили слухи, что причина аварии — не гнилые шпалы, а очередное покушение на царя.

Зимой 1883 г. такие же слухи сопровождали несчастный случай с императором, когда, выпав из саней, он сломал руку. Чтобы не повредить авторитету коронованной особы, в печати лишь глухо сообщили о болезни Александра III, что и породило домыслы о новом покушении. Они не прекратились и с появлением успокоительных бюллетеней о здоровье императора, опубликованных по настоянию Победоносцева. Страна, казалось бы, успокоенная, замиренная, продолжала жить в ожидании возобновления борьбы, вроде бы уже завершившейся. Ощущение нависшей опасности не покидало императора, с годами все более уверенно чувствовавшего себя на троне. Н. А. Бенуа, встретив Александра III в 1889 г. в Мариинском театре, навсегда запомнил случайно перехваченный взгляд царя — грозный и тревожный одновременно. По словам художника, это был взгляд человека, ежесекундно опасющегося за свою жизнь и за жизнь своих близких.

Характерна помета, сделанная Александром III на полях следственного дела новых первомаевцев — А. И. Ульянова и его товарищей, арестованных накануне подготовленного ими покушения на царя 1 марта 1887 г.: "На этот раз Бог спас, но надолго ли?"

Но уповая на Бога, Александр III и сам не бездействовал, поставив главной задачей своего царствования всемерное укрепление

единодержавия, искоренение всего, что служит источником крамолы.

Граф П. А. Валуев передавал со слов Д. А. Толстого разговор его с царем при назначении министром внутренних дел. Граф Толстой сказал тогда Александру III, что не признает "крестьянской России", и добавил: "Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали". По словам Толстого, государь "покраснел и отвечал, что он этого не забывает".

И царь и министр вполне сошлись как в понимании роли дворянства, так и в определении приоритетов текущей политики. Правящий в крестьянской стране, Александр III был поистине дворянским царем. По сути, у него в выборе социальной опоры альтернативы и не было. Он нащупал ее отнюдь не только интуитивно. Целый отряд консервативных публицистов трудился над теоретическим обоснованием роли дворянства в самодержавной монархии. М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский, Р. А. Фадеев еще в прошлом царствовании доказывали, что самодержавие не сможет обойтись без организованной политической поддержки хотя бы части общества, и только дворянство способно ее оказать, как оказывало в предшествующие столетия. Катков справедливо обращал внимание на полную гармонию интересов самодержавия и дворянства, их взаимозависимость и взаимную нужду друг в друге. По его верному замечанию, дворянство — единственное сословие, не имеющее своих отдельных от самодержавия целей и стремлений: все иные сословия их имеют. Катков не уставал повторять об опасности упадка и оскудения дворянства, в котором всегда "с особой силой" отзывалось то, что "вредно русскому государству". Сделав ставку на этот класс феодальной России, уходящей в прошлое, Александр III должен был озаботиться возрождением его в условиях развивающегося капитализма, к которым дворянство оказалось наименее всех других сословий приспособлено. Царская политика в этом направлении оказалась последовательной и неуклонной.

В самый день коронации — 15 мая 1883 г. — как бы для того, чтобы подчеркнуть нерасторжимость единства самодержавия и дворянства, выходит указ царя о возмещении помещикам из казны выкупных

платежей, от которых освобождались крестьяне. Помещики получали 80% выкупной суммы и в придачу — 8,5% от стоимости надела. Тогда же в Москве император на собрании волостных старшин, прибывших на коронацию, обратился к ним с призывом во всем подчиняться "своим предводителям дворянства". Подобная формулировка не была обмолвкой, обычной для раскладной речи императора. Она воспринималась как директива о руководящей роли дворян на местах, идущей на смену былой их вотчинной власти.

В 1885 г. учреждается Дворянский банк, предоставлявший владельцам имений долгосрочный и дешевый кредит. Финансовую помощь получали помещичьи хозяйства, по сути не способные к выживанию. В банк, как правило, обращались те землевладельцы, которые так и не сумели наладить хозяйство в новых условиях. Но полученная под залог имения ссуда, как правило, в хозяйство и не вкладывалась, а проживалась ("проматывалась"). Как пригодились бы эти промотанные дворянами средства в крестьянском хозяйстве!

Столетие с издания Жалованной грамоты дворянству, дарованной Екатериной II, Александр III использовал, чтобы подчеркнуть дворянскую ориентацию политики верховной власти и главенствующую роль, отводимую этой властью "благородному сословию". Рескрипт, написанный Победоносцевым по поручению царя, возвещал, что ныне, как и прежде, потребно, чтобы российские дворяне сохраняли первое место "в предводительстве ратном, в службе государственной, в делах местного управления и суда"... "В сознании необходимости более, чем когда-либо, в настоящее время видеть русское дворянство руководителями местной общественной, народной и государственной жизни", власть обещала этому сословию "облегчение условий экономической жизни", а также сохранение и расширение дворянских привилегий". "Из долгих блужданий мы наконец возвращаемся в нашу родную православную самодержавную Русь. Призраки бледнеют и исчезают. Мы чувствуем пробуждение" — так приветствовали "Московские ведомости" рескрипт 21 апреля 1885 г. В восстановлении

принципа сословности Катков усматривал серьезную преграду новым веяниям.

Сто лет назад, когда прабабка Александра Александровича даровала дворянству Жалованную грамоту, европейские страны уже расставались с сословными привилегиями. Тогда, в конце XVIII в., существование привилегированного слоя в России еще соответствовало общенациональным интересам — дворянская интеллигенция развивала науку и культуру, поставляла на государственную и военную службу европейски образованных представителей сословия. Пореформенные условия сразу же поставили под сомнение эту монополию дворян, как и их привилегии. Разночинная Россия стала пополнять ряды предпринимателей и ученых, двигать вперед науку, культуру, промышленность. Были сделаны первые шаги если не к бессословному, то к всесословному обществу. И вот Александр III поворачивал это движение вспять, усугубляя сословную обособленность. Но выходцы из крестьян, купечества, духовенства, мещан — разночинцы, в отличие от дворян, более успешно приспособившиеся к пореформенным условиям, не желали признать себя людьми второго сорта по сравнению с "россиянами, принадлежащими к благородному сословию". Думая создать себе твердую опору в привилегированном сословии, самодержец тем самым усиливал социальную рознь, способствовал обострению общественных противоречий и тем самым еще более расшатывал колеблющуюся устои самодержавной монархии.

Вступив на престол, Александр III с ходу отверг крестьянские притязания на землю: назвал слухи о прирезке к наделу за счет помещичьих земель "вредными". Демократическая и либеральная печать на основе земской статистики уже доказала, что крестьянское малоземелье — реальная проблема пореформенной деревни, источник ее неустойчивости и бедствий. Но Александр III дал понять, что не считает земельный вопрос злобой дня. Он явно разделял уверенность, высказанную в охранительной и славянофильской публицистике, что установленный земельный надел должен обеспечить крестьянскую семью

— при соответствующих приработках у того же помещика.

Либеральные и народнические экономисты разработали целую систему мер социальной помощи деревне: прирезка за счет казенных земель, организация переселений на свободные земли, мелкий поземельный государственный и земский кредит, облегчающий покупку земли, пропаганда агрономических усовершенствований. Меры эти не способны были радикально решить аграрный вопрос, но они сдерживали разорение деревни, делая процесс "раскрестьянивания" менее мучительным. Эти меры способствовали бы росту среднего слоя крестьянства, противостоящего ее пауперизации. Но Александр III не пошел на сколько-нибудь серьезное распределение бюджета в интересах деревни — это затронуло бы оберегаемые им интересы дворянства. Предпринятое им понижение выкупных платежей при переводе крестьянских хозяйств на обязательный выкуп (с 1 января 1883 г.), как и отмена подушной подати (1882-1886), было подготовлено еще в царствование Александра II. С организацией переселений правительство Александра III не спешило, руководствуясь теми же интересами помещичьих хозяйств, которые должны были иметь под боком рабочие руки. Дело сдвинулось лишь с постройкой Сибирской железной дороги, начатой в 1893 г. и завершённой уже при Николае II.

По инициативе Александра III был учрежден Крестьянский банк, который льготными ссудами должен был облегчить приобретение крестьянами земельных участков.

В верхах нашлось немало противников этой меры, к которым принадлежал и Победоносцев. Константин Петрович открыто признавался в том, что "желал бы потопить Крестьянский поземельный банк", являвшийся в его глазах "фальшивым учреждением, одним из звеньев той цепи, которую заплела политика Лорис-Меликова и Абазы". По его мнению, "это трата даром государственных денег и внесение в народное сознание начал развращенности".

Политику Александра III в крестьянском деле можно определить как попытку контрреформ. Реформа 1861 г., сохраняя общинное

землевладение, предусматривала, что с выплатой выкупных платежей за землю крестьяне станут ее полными собственниками. Однако Александр III активно препятствовал становлению крестьянской частной собственности на землю, пытаясь законсервировать общинное землевладение. Здесь царь оказался единомышленником Победоносцева, видевшего в общине с ее круговой порукой надежную гарантию оседлости сельского населения, а также препятствие пролетаризации крестьян. В 1880-е гг. и Катков становится по тем же причинам приверженцем общинного уклада, который в 1860— 1870-е гг. в его публицистике порицался как тормоз хозяйственного развития. Идеологи самодержавия, как и сам царь, менее всего интересовались при этом крестьянскими думами об общинном житье-бытье, они и в расчет не принимались в законотворчестве Александра III, обращенном к деревне.

Закон 1886 г. ставил препятствия семейным переделам крестьянской земли. Закон 1893 г. затруднял распоряжение надельной землей и для тех, кто ее выкупил. Запрещался залог земли, а продать ее можно было только в собственность своей же общине.

Укрепляя общинные путы, привязывая крестьянина к наделу, Александр III, по сути, ревизовал важнейшее положение реформы 1861 г., нацеленное на создание в деревне независимых земельных собственников, которые действительно могли способствовать экономической и политической стабильности земледельческой страны.

Голод, разразившийся в 1891 г. и повторившийся в 1892— 1893 гг., явился свидетельством упадка сельского хозяйства. В стране, призванной по своим природным ресурсам быть житницей Европы, периодически голодали миллионы земледельцев — в 1868, 1873, 1880 годы.

Но ни в письмах, ни в дневниках императора нет и следа усиления внимания к нуждам деревни, тревоги за нее. Граф И И Воронцов-Дашков советовал в 1891 г., в разгар голода, объявить, что "при высочайшем дворе не будет ни балов, ни больших обедов, а деньги, на это обыкновенно истрачиваемые, Вы жертвуете как первую лепту в фонд комитета для продовольствия". Если царь и внес свою лепту в пользу

голодающих то из казны — на дворцовых обедах она не отразилась. Меню их, красочно оформленное художником В. М. Васнецовым, свидетельствовало, что они не стали скромнее. Граф И. И. Воронцов, как и прежде, был их неперменным участником. Продолжались и балы — царский двор жил привычной жизнью, казавшейся, может быть, еще более яркой и праздничной от электрического света, проведенного во дворцах.

А за их окнами снова становился явью сон Мити Карамазова — столь же обыденный в своей реальности, сколь и вещей. Снова выходили из деревень на проезжую дорогу бабы с темными от горя лицами, с плачущими детьми на руках — просить милостыню. Снова, подобно герою Достоевского, разночинская интеллигенция терзалась вопросом: что же делать, "чтобы не плакало дите, чтобы не плакала черная, иссохшая мать дитяти"? Похоже, Александр III этими мыслями не мучился. Прозванный со времен братьев Гракхов аграрным, вопрос о земле не был признан царем безотлагательным даже в годы, когда богатейшая страна голодала. Но великий этот вопрос предрекал и великие потрясения.

Между тем Александр III, думая о будущем России, видел ее страной аграрной, где главное занятие населения — земледелие, главное богатство — хлеб. Но, как и большинству Романовых, ему чуждо оказалось представление, генетически заложенное в национальное самосознание россиян: все, что плохо и вредно для земледельцев, плохо и вредно для страны в целом, ибо на них держится ее благосостояние.

Всемирная промышленная выставка 1882 г. подтвердила отсталость России во всех областях индустрии. Александр III отдавал себе отчет в том, что только современный уровень промышленного производства мог бы обеспечить военную мощь империи, утверждение ее на мировом рынке и сохранение статуса великой державы.

Темпы промышленного и железнодорожного строительства, замедлившиеся к концу 1870-х гг., вновь возрастают. Но расширение внутреннего рынка мыслилось не за счет увеличения покупательной способности масс (весьма низкой в России), а путем устранения

иностранной конкуренции. Государственный протекционизм выступал под любимым девизом Александра III: "Россия для русских" — как защита национальных интересов от посягательств иностранного капитала. Таможенный тариф при Александре III вырастает почти вдвое. Особо высокие пошлины были установлены на привоз чугуна и железа, а также на вывоз нефти, что должно было служить поощрению отечественной тяжелой промышленности. Покровительственные пошлины привели к резкому изменению торгового баланса. Если вывоз в 1880 г. достигал 492 084 тыс. рублей, то в 1893-м — 594 688 тыс. рублей. Привоз в 1880 г. составил 589 776 тыс. рублей, а в 1893-м — 421 956 тыс. рублей.

Общий пересмотр таможенного тарифа в 1891 г. способствовал его централизации в руках государства, уничтожению местных тарифов. Напрасно либеральная печать доказывала, что "национальная политика" не должна сводиться к искусственному ограждению отечественной промышленности от конкуренции с иностранной. Только подъем производства, ведущий к удешевлению цен и тем самым к расширению внутреннего рынка, сделает национальную индустрию способной соперничать с иностранной. Император верил охранительной печати во главе с Катковым, считавшим протекционизм основным средством развития промышленности в России, формой его регулирования и государственного контроля над ним и к тому же — средством серьезного пополнения казны.

Стремление самодержавия занять ключевые позиции в экономике обнаруживается при Александре III и в области железнодорожного строительства. Резкое увеличение казенных железных дорог было достигнуто не только путем выкупа в казну линий несостоятельных владельцев, но и строительства новых. При Александре III было начато (в 1893 г.) строительство Сибирской железной дороги, которой назначалось связать европейскую часть страны с побережьем Тихого океана. Хотя оно осуществлялось и завершалось уже в царствование Николая II, но само решение о столь грандиозном предприятии, принятое

Александром III, и подготовка к нему были важнейшим делом его правления. При Александре III построена и Екатерининская железная дорога (1881 — 1884), имевшая особое значение для развития топливно-металлургической базы в Донецко-Криворожском районе. Александр III все более проникался сознанием хозяйственного и стратегического значения железных дорог, необходимости сосредоточить основные из них в руках государства. И Катков, и С. Ю. Витте (в ту пору один из директоров Юго-Западной дороги) доказывали это еще Александру II, но при нем казенное железнодорожное хозяйство не выросло. В 1881 г. протяженность казенных магистралей составляла 161 версту, а в 1894 г. — 18 776. Протяженность частных линий, составлявшая к началу царствования Александра III 21 064 версты, к его концу уменьшилась почти вдвое.

Поощряя промышленное развитие, Александр III с тревогой думал о его социальных последствиях, чреватых, как показывал опыт Запада, противоречиями и конфликтами. Пытаясь их упредить, он берет на себя роль посредника в отношениях между капиталом и трудом. В пору, когда фабричное законодательство еще не было разработано, такая посредническая (попечительская) роль императора, умерявшего притязания фабрикантов, была достаточно велика.

Издав в 1882 г. закон об ограничении работы малолетних, Александр III вводит для надзора за его исполнением фабричную инспекцию. Впервые в России стал осуществляться контроль за условиями труда рабочих. В 1885 г. последовало запрещение ночного труда женщин и детей, а в 1886 г. — закон об определении условий найма и порядка расторжения договоров рабочих с предпринимателями. Эти меры, положившие начало фабричному законодательству, были приняты под влиянием крупнейшей для того времени стачки на Иваново-Вознесенской мануфактуре (1885 г.).

Министр внутренних дел ежедневно докладывал царю о ходе стачки. Требуя расправы с зачинщиками и верховодами, Александр III одновременно высказывает недовольство позицией управления фабрики,

побуждая его к уступкам.

Стачки в ту пору еще не стали обыденным явлением, воспринимаясь как чрезвычайные события. "Это прискверно и весьма печально", — пренебрегая, как всегда, орфографией, заключает император, узнав о стачке в Юзовке в 1892 г. Условия труда и оплаты на угольных шахтах были действительно прискверными. Но зная, что царь следит за ходом борьбы рабочих, хозяева быстрее шли на уступки.

Роль примирителя, объективного посредника, пекущегося об интересах обеих сторон, Александр III исполнял с особой охотой. Он любил предстать в глазах общества царем-отцом, которому одинаково дороги все его дети, к какому бы сословию они ни принадлежали. Нельзя не признать, что попечительная политика Александра III оказывала сдерживающее влияние на хищнические инстинкты молодого российского капитализма. Однако права на проведение стачек, на организацию профессиональных союзов, которыми уже были вооружены европейские рабочие, царь давать не собирался — они бы сделали царскую опеку лишней.

Александр III унаследовал страну, находившуюся в тяжелом экономическом положении. Финансы были подорваны русско-турецкой войной, а неурожай 1880 г., голод в Поволжье и внутренние политические неурядицы еще более усугубили их расстройство. Задача избавления экономики от хронического дефицита стала для царя важнейшей.

Первый министр финансов Александра III Н. Х. Бунге пытался решить ее комплексными мерами, делая ставку на подъем промышленности и сельского хозяйства, упрочение средних слоев. Бывший профессор Университета св. Владимира (Киев), сотрудник изданий Каткова, Бунге был ими же травим за свою политику, которую охранители называли антинациональной: Бунге не видел панацею в запретительных тарифах, ограждающих российскую промышленность от конкуренции. В обстановке этой травли Бунге продержался на посту министра финансов до 1886 г. В 1887 г. он был назначен председателем Комитета министров — при

великом возмущении "партии порядка". Александр III, не оспаривавший мнения о неспособности Бунге освободить страну от дефицита, а часто и сам критиковавший его, уважал его знания и опыт и вполне доверял ему.

Выбор царя пал на И. А. Вышнеградского. Еще до назначения этого видного ученого министром финансов царь ввел его в Государственный совет. Профессор Вышнеградский сотрудничал в изданиях Каткова и был его выдвигателем. Противники его назначения (а к ним принадлежал и Д. А. Толстой), ссылались на то, что в конце прошлого царствования профессор слыл либералом. Агентура собрала для министра внутренних дел сведения об участии Вышнеградского в сомнительных коммерческих операциях. Однако блестящие финансовые способности профессора математики и механики оказались решающим доводом для Александра III, который умел не замечать и более серьезные недостатки нужных ему людей. В отличие от своего предшественника, Вышнеградский решил проблему "финансового оздоровления" страны в финансовой же сфере — путем накопления денежной массы и повышения курса рубля. Средством для этого был не подъем производительных сил, а биржевые операции. К концу царствования Александра III, хотя расходы и возросли — в сравнении с 1880 г. на 36%, — доходы за то же время увеличились на 60%. Превышение доходов над расходами исчислялось в 98 790 455 рублей. Резко возросли и вклады в сберегательные банки — 329 064 748 рублей в 1894 г. (в 1881 г. — 9 995 225).

Однако, несмотря на бездефицитный бюджет, положение масс оставалось трудным, процветала плутократия. Высокие темпы промышленного и железнодорожного строительства, финансовые успехи были достигнуты за счет высочайшего напряжения производительных сил, истощения народных сбережений, оскудения деревни, оттока из нее населения в город.

Экономическая политика Александра III дает свои подтверждения невозможности радикального улучшения экономики путем использования финансов как главного рычага ее подъема — без соответствующих мер в области промышленности и сельского хозяйства, от состояния которых

зависят сами финансы.

Выявившийся еще в первые пореформенные десятилетия разрыв между современной монополизирующей промышленностью и разоряющейся, опутанной крепостническими пережитками деревней еще более усилился.

Уже в самом начале царствования Александра можно говорить о существовании у него общего плана контрреформ, то есть преобразований, призванных устранить противоречия, внесенные в самодержавную монархию учреждениями и установлениями 60-х гг. Контуры этого плана вырисовываются еще в дебатах вокруг "конституции Лорис-Меликова", когда и консерваторы, и сам царь отмечали пагубное влияние на государственность нововведений Александра II. "Сверхзадачей" императора, если так можно выразиться, его стратегической целью становилась ликвидация общественных завоеваний прошлого царствования (земской, судебной и университетской реформ).

Благосклонно внимая требованиям реакционной печати уничтожить эти чужеродные установления, Александр III отдавал себе отчет в невозможности незамедлительного и радикального осуществления своей программы — максимум. За два пореформенных десятилетия новые учреждения — земства, суды — органически вошли в русскую жизнь, став ее привычным достоянием, которого общество не собиралось лишаться. "Законодательством минувшего 25-летия до того перепутали все прежние учреждения и все отношения властей, внесено в них столько начал ложных, не соответственных с внутренней экономией русского быта и земли нашей, что надобно особое искусство, дабы разобраться в этой путанице. Узел этот разрубить невозможно, необходимо развязать его, и притом не вдруг, а постепенно".

Обращаясь к царю с подобными наставлениями, Победоносцев бил Александру Александровичу "челом, его же добром". Царь не был любителем "разрубать узлы". Двигаясь к намеченной цели — воссоздания дореформенной целостности и "чистоты" системы управления, — он

изучал предстоящие препятствия на своем пути, чтобы определить, как и куда сделать следующий шаг, избегая ломки и потрясений.

Университетская реформа 1884 г. по сути пересматривала устав 1863 г. Подготовленная еще при Д. А. Толстом — министре просвещения, — при активном участии Каткова и профессора Н. А. Любимова, она была отложена в связи с отставкой Толстого. В первые же дни правления Александра III Катков обращается к нему с письмом, где объясняет "крайнюю необходимость и неотложность реформы университетов", напоминая о полной готовности ее проекта.

Проект нового университетского устава предусматривал ликвидацию автономии университетов. Введением государственных экзаменов он ставил под контроль не только студентов, но и профессию. Ректор и декан назначались Министерством просвещения, а не избирались самими преподавателями из их среды, как это было по уставу 1863 г. Авторы проекта не сомневались, что такой полностью "огосударствленный" университет будет способствовать формированию нужных самодержавию научных и чиновничьих кадров казенной интеллигенции.

Как и всякий самодержец, Александр III конечно же мечтал об интеллигенции послушной, благомыслящей, управляемой, живущей заботами власти, в унисон с ней. Он, пожалуй, еще более остро, чем его отец, ненавидел "паршивую" разночинскую интеллигенцию с ее свободомыслием, извечным недовольством существующим порядком и порывами к иному общественному устройству. Усматривая в ней источник многих бед, помеху для утверждения единой самодержавия, Александр Александрович, как и авторы проекта, полагал реформу высшего образования необходимейшей и неотложной.

Катков развернул в печати кампанию за пересмотр устава 1863 г., поддержанную "Гражданином" Мещерского. Охранители видели в университетской автономии "опыт конституционного режима" в самодержавном государстве. С университетским самоуправлением связывали и рост нигилизма, и студенческие беспорядки, и расшатанность умов, и нездоровые, то есть оппозиционные, настроения.

Но для сторонников университетской контрреформы, как и всякой иной, ее подготовка отнюдь не ограничивалась идейным обоснованием. Особое, если не решающее, значение приобретала та закулисная борьба — интриги и сговоры, — которая должна была обеспечить им влиятельных союзников в "верхах". Борьба шла не за голоса в Государственном совете — при его законосовещательном характере их количество не решало исход дела. Более важным становилось привлечение в свой стан тех, кто был способен повлиять на Александра III, держать под контролем его позицию: великих князей, особоближких царедворцев.

Катков любил напоминать слова Н. М. Карамзина: "Государь внемлет мудрости, где находит ее, но в самодержавии и не надобно никакого одобрения для законов, кроме подписи Государя". Но век на дворе был уже иной, и волеизъявление монарха нуждалось если не в опоре на общественное мнение, то хотя бы в подкреплении мнением ближайших сановников. А Государственный совет начала 1880-х гг., вобравший в себя отставных министров-"шестидесятников", оказался по-своему строптивым. Ряд его членов поддерживали реформы прошлого царствования. Среди них А. В. Головнин, Д. Н. Набоков, Н. Х. Бунге, К. К. Грот, Д. Н. Замятин, Н. И. Стояновский.

Вопреки традиции и статусу этого учреждения Александр III стал назначать его членами своих верных и послушных ставленников, никогда не бывших министрами. В 1883 г. император вводит в Государственный совет московского предводителя дворянства графа А. В. Бобринского и полтавского уездного предводителя дворянства Г. П. Галагана, в 1886 г. — члена совета, министра просвещения профессора И. А. Вышнеградского, а в начале 1890-х гг. — пензенского губернатора А. А. Татищева и черниговского — А. К. Афанасьева, прославившегося употреблением розог.

Барон А. П. Николаи, поспешно назначенный министром просвещения в 1881 г., явно не годился для проведения университетской контрреформы: на посту товарища министра просвещения А. В. Головина он участвовал в выработке устава 1863 г. и сохранил к нему

приверженность. "Я положительно расхожусь во многом с Николаи, — писал Александр III Победоносцеву, — и не могу одобрить многие из его действий, а главное, что его подкладка — это Головнин, сей злосчастный гений и друг в. кн. Константина Николаевича, и я знаю из верных источников, что они оба работают и пихают Николаи идти против желаний правительства".

И. Д. Делянов, назначенный вместо А. П. Николаи, был из тех, кто никогда бы не пошел "против желаний правительства". Потому он и оставался на этом посту до своей смерти в 1897 г. Он был ставленником Каткова и Толстого и полностью подчинялся их указаниям. Ничего не меняя в проекте Университетской контрреформы, он внес его в мае 1884 г. в Государственный совет, где обстановка оказалась достаточно сложной. В оппозиции к проекту числили здесь не только Д. А. Милютина, А. А. Абазу, М. Т. Лорис-Меликова, но и бывших министров просвещения — Е. П. Ковалевского, А. В. Головнина, А. П. Николаи, а также таких влиятельных сановников, как Н. Х. Бунге, А. А. Половцев и даже сам К. П. Победоносцев.

Противник университетской реформы 1863 г., Победоносцев с сомнением отнесся к той роли, которая отводилась новым уставом науке. Признавая необходимость ее подчинения государственным интересам, бывший университетский профессор все же устранился столь полного принесения ее в жертву политическим целям. Благонадежность фактически выдвигалась здесь более важным критерием оценки преподавания, нежели его научный уровень. Поистине "храмы науки" превращались, по выражению П. А. Валуева, в "высшие полицейско-учебные заведения". Победоносцев выступил против введения государственных экзаменов, настаивая, что экзаменовывать студентов должны сами преподаватели, а не назначенные Министерством просвещения чиновники (как было задумано авторами проекта).

Его защитники в Государственном совете (И. Д. Делянов, М. Н. Островский, П. П. Шувалов, Т. И. Филиппов) выглядели жалко на фоне блестящих выступлений сторонников университетской автономии и

остались здесь в меньшинстве. Это заставило Александра III отложить решение вопроса, для него самого вполне ясного, до осени. Однако императору не терпелось внести новый устав в предстоящем 1884/85 учебном году, и в августе он созывает совещание в Ропше (под Петербургом), куда вместе с защитниками проекта контрреформы приглашает и Победоносцева.

Доводы Константина Петровича об опасности падения уровня образования не казались Александру III столь уж важными. Гораздо ближе и понятнее ему были соображения о том, что университеты — дело государственное, а профессора — должностные лица, находящиеся на коронной службе, и потому должны не выбираться, а назначаться правительством. Да и принцип выборности был столь ненавистен царю, что уже одно это предрешало его мнение. Александр III принял сторону меньшинства, поддержав проект нового университетского устава.

Надо ли говорить, что и Победоносцев в ходе обсуждения присоединился к сторонникам проекта. "Вице-император", как его называли в придворных кругах, умел стоять один против всех, если чувствовал поддержку самодержца. Но пойти против него — даже в союзе с подавляющим большинством Государственного совета — никогда бы не осмелился. Впрочем, вопрос, который особенно смущал Константина Петровича, — об отделении экзаменов от преподавания — был решен компромиссно. Наряду с государственными экзаменами вводились и факультативные, которые принимались профессурой.

Устав 1884 г. резко ограничивал автономию университетов, усиливая власть над ними попечителей учебных округов и Министерства просвещения. Должности ректора, декана, профессоров замещались по назначению этого последнего.

Публицист Катков, особо ценимый Александром III, горячо приветствовал университетский устав 1884 г. как "первый органический закон нового царствования", значение которого далеко выходит за рамки учебного дела. По словам редактора "Московских ведомостей", если устав 1863 г. был "началом системы упразднения государственной

власти", то устав 1884 г. знаменовал ее возрождение. "Итак, господа, — злорадно и торжествующе обращался идеолог самодержавия к тем, чьи надежды на либерализацию не сбылись, — встаньте, правительство идет, правительство возвращается".

Ограничение доступа к образованию становится принципом политики Александра III. Изучая следственное дело вторых первоапрельцев, он был неприятно поражен, обнаружив среди студентов, причастных к нему, выходцев из социальных низов. Циркуляр министра просвещения И. Д. Делянова, изданный в июле 1887 г., должен был "урегулировать" социальный состав учащихся. Прозванный "циркуляром о кухаркиных детях", он предписывал не принимать в гимназию (а путь в университет открывался только из нее) "детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п.". Регулятором социального состава служила и высокая плата за обучение: в царствование Александра III она повышалась несколько раз.

При таких взглядах на народное просвещение Александр Александрович, естественно, не стремился к расширению сети учебных заведений. Однако жизнь брала свое, и при нем были открыты Технологический институт (в Петербурге) и Томский университет. Создание научно-образовательного Центра в Сибири трудно переоценить. Среди противников этого мероприятия были люди, которым Александр III особенно доверял (как К. П. Победоносцев, А. А. Половцев). Они доказывали, что университет в Сибири усилит сепаратистские стремления в этом крае. На решение царя повлияло то, что казне университет почти ничего не стоил — он был основан на средства местных предпринимателей.

Одновременно с проведением университетской контрреформы министром внутренних дел Д. А. Толстым по заказу царя был разработан проект контрреформы земской. Александр III не собирался уживаться со всесословным выборным представительством — "земским парламентом". Проект покушался на основы местного самоуправления: ликвидировалась зависимость земских учреждений, они вводились в систему

государственную — под контроль губернаторов. Ликвидировалась выборность земских органов и их сословный характер. Министр внутренних дел хорошо знал намерения царя — проект отвечал заветным чаяниям Александра Александровича, ненавидящего земство, земскую интеллигенцию, земскую оппозицию — рассадник либерализма. Однако с осуществлением контрреформы местного самоуправления не спешил. Правитель канцелярии министра внутренних дел А. Д. Пазухин — участник работы над проектом — жаловался Каткову на императора, который, по его словам, мало занимается земской реформой, "даже не прочел всеподданнейшей записки о ней". Катков, развернувший наступление на земства в своих изданиях, обратился к царю с письмом, где с большей, чем в печати, резкостью обличал вредность земства для монархии.

Александр III разделял мысли о несовместимости самодержавия с принципами выборности и сословности. И он всей душой хотел бы "очистить земства от недворянских элементов". "Нерадивость" царя к контрреформе, на которую сетовали ее нетерпеливые сторонники, объяснялась пониманием невозможности провести ее в жизнь в том виде, как было задумано. Земства стали неотъемлемой частью русской жизни. Эту жизнь в самых глухих углах страны уже невозможно было представить без земских школ, больниц, без земских учителей и врачей — без тех бескорыстных и самоотверженных земских деятелей, тип которых уже ясно обозначился к началу 1880-х гг. и получил повсеместное распространение. Не отступая от замысла уничтожения земского самоуправления, Александр III сознает, что реализация его может быть лишь постепенной и многоступенчатой. Важным шагом на этом пути явилось Положение о земских начальниках (1889 г.). Назначавшиеся губернаторами из среды местного дворянства земские начальники сосредоточивали отныне в своих руках огромную власть на местах. Поставленные над крестьянскими и волостными правлениями, они унаследовали и функции мирового суда, по этому Положению отменявшегося. Закон 1889 г. решал сразу несколько важных задач для

самодержавия. Подчиняя крестьянское самоуправление земским начальникам, он укреплял позиции власти на местах и создавал возможности для престижной службы дворянам. Власть земских начальников становилась своеобразной заменой вотчинной власти помещиков, об исчезновении которой после реформы 1861 г. так тосковали реакционеры. Крестьяне, по сути, были поставлены в личную зависимость от земских начальников, получивших право без суда подвергать их штрафам и арестам.

При обсуждении в Государственном совете "против" подготовленного Д. А. Толстым проекта законов о земских начальниках высказалось подавляющее большинство (39 против 13). Александр III присоединился к меньшинству. А вот проект земской реформы, подготовленный Толстым, так и не удалось осуществить. Дружное неприятие, которое встретил в Государственном совете проект, внесенный на обсуждение преемником Толстого — И. Н. Дурново, заставило царя отступить. Впрочем, он был готов к отступлениям. Александр III продвигался к своей цели столь же последовательно, сколь и осторожно: он считал, что впереди у него еще много времени, чтобы достичь желаемого. "Положение о земских учреждениях" (1890 г.) серьезно ограничивало независимость земств, подчиняя местное самоуправление контролю бюрократии. Ни одно сколько-нибудь существенное постановление земства не могло быть реализовано, не будучи утвержденным губернатором или министром внутренних дел. За счет снижения имущественного ценза и увеличения числа гласных от дворян усилились в земстве позиции дворянства. Принцип выборности был сохранен с серьезным изъятием: крестьяне лишались права избирать гласных, они назначались губернаторами из выбранных от крестьян представителей. Основные производители страны — земледельцы — по-прежнему оставались самыми бесправными. Царь, любивший заявлять о прекрасных чертах народа, о своем единстве с ним, на деле настойчиво устранил его от участия в общественно-политической жизни, от решения собственных судеб.

Еще более длительным и трудным оказалось наступление Александра III

на новые суды. Судебная реформа 1864 г. — самая последовательная из проведенных его отцом — пользовалась и наибольшей популярностью. "Могучий зародыш новой России" видел в суде присяжных Ф. И. Тютчев. "Трибуна наших новых правовых судов — решительная нравственная, школа нашего общества", — писал Ф. М. Достоевский.

Надо ли говорить, что независимый от правительства, гласный, состязательный суд присяжных заседателей, избравшихся из всех сословий, был особо ненавистен правоверным сторонникам неограниченной монархии. Катков еще в 70-е годы начал разъяснять, насколько опасна эта "судебная Республика" в самодержавном государстве. При Александре III он это делал с особой резкостью и безудержностью, настаивая, что власть, "не отрекаясь от самой себя", не может оставлять народ на произвол судебных корпораций, "действующих самоуправно и бесконтрольно и не чувствуя никакой зависимости от высшей государственной власти".

Вторил этому и "Гражданин" В. П. Мещерского, повторявший, что верховная власть, терпящая независимый от нее суд присяжных, "отдает все свои исторические, святые крепкие и здоровые прерогативы".

Александр III и сам был проникнут подобными настроениями. Желчь и раздражение, переходящие в ярость, изливаются в его письмах, где речь заходит о приговорах присяжных заседателей. Обращая внимание министра внутренних дел Д. А. Толстого на один из "образчиков безобразия наших судов", он со свойственной ему нескладностью, но вполне определенно выражает свое отношение к их независимости: "Правительство не должно, а преступно оставлять подобные безобразия безнаказанно".

Александр Александрович и не собирался оставлять суд таким, каким он был создан реформой 1864 г. Ощущая за новыми судебными установлениями серьезную общественную поддержку, император отказывается от фронтального на них натиска. Он постепенно, но неуклонно ограничивает функции суда присяжных, изымая из его ведения ряд делопроизводств. Столь неудобные для власти принципы

независимости, гласности, несменяемости суда ущемляются не разом, а в продуманной очередности. Выдающийся судебный деятель А. Ф. Кони называл эту политику "членовредительством" судебной реформы.

Министр юстиции Д. Н. Набоков подготовил закон (1885 г.), по которому Высшее дисциплинарное присутствие из сенаторов получало право увольнять и перемещать судей по своему усмотрению. Однако он обставил это право столь многочисленными оговорками, что практического значения мера не имела.

Сменивший Набокова в ноябре 1885 г. А. Н. Манасеин менее стойко выдерживал давление реакционных сил. При нем в судебные уставы были внесены серьезные изменения. Принцип гласности ограничивался введением закрытого судопроизводства "там, где оно целесообразно" (1887 г.). Был повышен имущественный и образовательный ценз для присяжных, что было прямо направлено против демократизации их состава. Из ведомства суда присяжных изымалась значительная категория дел, в том числе и о сопротивлении властям (1889 г.).

Все эти "поправки" к судебной реформе были введены, по сути, волеизъявлением Александра III — в Государственном совете они большинства голосов не получили. Царь неизменно присоединялся к мнению меньшинства, возглавляемого К. П. Победоносцевым — ярким врагом судебной реформы. Среди этого меньшинства, как правило, оказывались великий князь Владимир Александрович, министр государственных имуществ М. Н. Островский, товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново, профессор И. А. Вышнеградский. Председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич чаще занимал нейтральную позицию.

Незадолго до своей кончины в 1894 г. Александр III назначил на пост министра юстиции Н. В. Муравьева, который должен был наконец осуществить то, что не удалось его предшественникам. Муравьев по всем статьям подходил для проведения судебной контрреформы: сотрудник изданий Каткова, главный прокурор на политических процессах, он планировал полный пересмотр судебных уставов 1864 г. Но после смерти

Александра III обстановка в стране быстро менялась, и план пришлось отложить. Новый суд, несмотря на серьезные удары, все же уцелел до 1917 г., когда был сметен революцией.

Вынужденный до поры терпеть действующие судебные установления, Александр III постоянно вмешивался в судопроизводство, предрешая или же изменяя приговоры по делам, которыми заинтересовался. Дела по политическим преступлениям император предпочитал отдавать военному суду, отличавшемуся быстротой следствия и тяжестью наказания. В мае 1885 г. Александр Александрович высочайше повелел записать в Военно-судебный устав, что в случае выяснения "уменьшающих вину обстоятельств" суд входит с ходатайством о смягчении наказания перед царем". Избегая беспокоить царя, военные суды стали обходиться без "смягчения".

В последней четверти XIX в. самодержавие явно было не способно сохранять равновесие под сенью собственных же законов — требовались чрезвычайные меры. Непрерывное продление принятого в 1881 г. как "временного" "Положения о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия" — тому свидетельство. По натуре Александр Александрович не был ни злым, ни деспотичным, но в его политике можно отчетливо проследить это нарастание внесудебного произвола, неизбежного для власти, не ощущающей серьезной общественной поддержки. Политический режим при предпоследнем российском самодержце неуклонно приближался к тоталитарному, обнаруживая сходство с ним не столько в степени жестокости репрессивной политики, сколько в ряде ее исходных принципов. Нетерпимость к инакомыслию, к расхождениям с официальной идеологией, преследование личности не только за противоправные действия, а за сам образ мыслей — эти черты тоталитарного государства характерны и для монархии Александра III, государства по природе своей авторитарного.

Дела административно высланных без суда (по "Положению об охране") за период с начала 1880-х гг. до начала 1890-х гг. свидетельствуют, что

мотивами высылки служили не только антиправительственная пропаганда, распространение и хранение запрещенной литературы, укрывательство государственных преступников, доноительство, жительство по фальшивому виду, но и "вредный образ мыслей" "вредное влияние на окружающих", "неблагонадежное поведение", "сомнительные знакомства", "сомнительное поведение", "сомнительная благонадежность", "принадлежность к вредному семейству" (то есть к такому, где имелись лица, разыскиваемые полицией).

И все же самодержавная власть превращала своих врагов в людей, "лишенных всех прав состояния, но не в „лагерную пыль“. „Государственные преступники“ могли жаловаться самому императору на условия содержания и на несправедливость приговора. Личным волеизъявлением Александр III неоднократно заменял смертную казнь пожизненным заключением в Шлиссельбурге. Возможно, император догадывался, что большинство „смертников“ предпочло бы ее медленному умиранию в „государевой тюрьме“. Прочитав сотни томов следственных дел, он основательно познакомился с психологией революционеров, жаждавших, по выражению Достоевского, „скорого подвига“.

Вторых "первомартовцев" (А. И. Ульянова и его соратников) император помиловать отказался, позабыв, как видно, о своем ответе Л. Н. Толстому, просившему о милосердии к участникам цареубийства 1 марта 1881 г. Тогда он заверил писателя, что собственных врагов он простил бы. Однако карательная политика Александра III говорит о том, что к своим врагам он был жесток и непреклонен. За 1883-1890 гг. вынесено 58 смертных приговоров, из которых 12 приведены в исполнение. Напомним, что только в 1879-1882 гг. казней было 29. Цифры эти кажутся ничтожными в сравнении с теми, в которых выражаются репрессии в послереволюционном обществе — при большевистской диктатуре. Но современники, не ведая о грядущем, сравнивали александровскую монархию с правовыми европейскими государствами.

Сам Александр Александрович склонен был считать свое правление

самым гуманным и просвещенным в истории династии Романовых. Искренне восхищаясь своим дедом, много перенимая из его политики, Александр III признавал, что в николаевскую эпоху царил произвол, который лишал самодержца широкой общественной поддержки. Но и желая сам обрести такую поддержку, царь в "державных" интересах постоянно нарушал законы собственного царства.

Исследователь царских тюрем за период 1762-1917 гг. М. Н. Гернет пришел к выводу, что режим для политических был самым тяжелым при Александре III, особенно с 1884 г., когда в Шлиссельбурге открылась "государева тюрьма". Весь мир в 1889 г. облетела весть о трагедии на Карийской каторге. Народоволка Н. К. Сигида за "оскорбление власти" (пощечина коменданту) подверглась наказанию розгами и в тот же день покончила с собой. В знак протеста приняли яд и несколько ее товарищей по заключению.

По свидетельству И. Н. Дурново, именно Александр III потребовал такого наказания каторжанке, наложив резолюцию: "Дать ей сто розог". "Постыдная деятельность виселиц, розг, гонений", — говорил о политике Александра III Л. Н. Толстой, имея в виду не только репрессии против революционеров.

Император вмешивался не только в дела государственных преступников, которые всегда держал под контролем. Он "корректировал" и приговоры по уголовным процессам. Главный военный прокурор светлейший князь А. К. Имеретинский жаловался на царские поправки к решениям суда, несообразные с юстицией. Так, Александр III "простил" офицера В. А. Жеребкова, застрелившего в ссоре товарища, "простил" корнета А. Бартенева, убившего актрису Висновскую. Царь руководствовался при этом не столько материалами следствия, сколько личным впечатлением. В деле Бартенева (которое легло в основу рассказа И. А. Бунина "Дело корнета Елагина") симпатии Александра Александровича оказались явно не на стороне жертвы: сочувствие его вызвал как раз преступник. Русский офицер, дворянин, полюбивший актрису Варшавского драматического театра, Бартенева не решился жениться на ней — польке,

католичке, женщине достаточно легкого поведения. Но и разлюбить не сумел — как и сам император, он был из породы однолюбов. Подействовало на Александра III, по-видимому, и красноречие защитника Бартенева Ф. Н. Плевако — одного из лучших российских адвокатов. И вот одним росчерком пера царь круто изменил приговор: вместо 8 лет каторги Бартенев оказался лишь разжалованным в рядовые.

В 1881 г. возникло дело о злоупотреблениях на Петербургской таможне. Тесть К. П. Победоносцева А. А. Энгельгарт наряду с другими чиновниками был уличен в незаконных махинациях, нанесших убыток казне. Но по велению императора Энгельгарт был отдан на поруки Победоносцеву (под залог в 50 тыс. рублей, которые тот так и не заплатил), а само дело прекратили. Слух о вмешательстве императора в дело родственника обер-прокурора Синода быстро распространился в обществе, как бы подтверждая, что законы в самодержавном государстве пишутся не для всех. Александр III не раз предоставлял подданным подобные доказательства того, что независимого суда при неограниченной монархии быть не может.

Понимая, насколько важно выглядеть в глазах подданных справедливым, Александр III иногда по-своему пытался быть объективным, невзирая на лица. Когда вскрылись серьезные злоупотребления бывшего министра внутренних дел Л. С. Макова, Александр III приказал предать суду и его, и ряд высокопоставленных чиновников. И настолько страшным показалось им это решение царя, что некоторые из обвиняемых так и не захотели дожидаться суда. Маков застрелился, С. С. Перфильев (правитель канцелярии министра внутренних дел) покушался на самоубийство.

Столь же нелюбимой была позиция Александра III в "логишинском деле", получившем громкую огласку в середине 80-х гг. Минский губернатор В. С. Токарев незаконно, как казенную, приобрел за бесценок землю крестьян села Логишина в Пинском уезде. Через генерала Лошкарева — своего покровителя в Министерстве внутренних дел — Токарев добился, чтобы искавшие правды крестьяне были подвергнуты

массовой порке. По воле императора Токарев и Лошкарев были отданы под суд. Дело закончилось рассмотрением в Государственном совете. Подсудимые были уволены со своих должностей, с запрещением впредь поступить на государственную службу. Напрасно великий князь Михаил Николаевич ходатайствовал за них в целях "поддержания власти". Александр III понял, что именно ее престиж требует наказания виновных в столь беззастенчивом попрании закона. Произвол, несовместимый с правопорядком, обнаруживал самодержец и в своих отношениях о прессой. Российская журналистика, оживившаяся в конце царствования Александра II, чахла на глазах под воздействием Временных правил о печати. Подготовленные при Н. П. Игнатьеве и принятые при Д. А. Толстом в дополненном виде, они ставили прессу под жесткий контроль администрации, усилив цензурный гнет. Одно за другим гибнут либеральные издания "Молва", "Страна", "Порядок", "Земство". В 1884 г. закрыт лучший демократический журнал "Отечественные записки". Журнал "Дело" после разгона редакции и ареста ряда сотрудников теряет свой передовой характер и вместе с тем подписчиков. Видные деятели народнической журналистики — Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, К. М. Станюкович — были высланы из столицы. Легальные публицисты, по сути, загоняются в подполье: многие наблюдения о русской жизни можно было высказать только в нелегальной печати. Но и она из-за полицейских преследований почти не имела распространения. "Народная воля" выпустила последний номер своей газеты в октябре 1885 г.

Александр III целеустремленно добивался единомыслия в печати. Вставший во главе цензуры в 1883 г. Е. М. Феоктистов, верный соратник М. Н. Каткова, соответственно направлял работу Главного управления по делам печати.

Обсуждение правительственной политики вообще изымалось из журналистики, а специальными циркулярами предписывалось "воздерживаться" от сообщений о земских постановлениях, о положении дел в учебных заведениях, об отношении крестьян к помещикам и т.д. Накануне 25-летия отмены крепостного права было запрещено упоминать

об этой дате в газетах и журналах, не говоря уж о том, чтобы праздновать юбилей великой реформы.

Отечественную журналистику Александр III воспринимал как досадную помеху самодержавному правлению. Под напором цензуры неофициальные издания продолжают сдавать позиции: в середине 80-х гг. перестают выходить либеральные газеты "Голос", "Русский курьер", "Московский телеграф". В то же время умножаются препятствия для возникновения новых органов, получить разрешение на которые становится чрезвычайно трудно.

Самодержец не оставлял вниманием и книгоиздательство. Отпечаток его вкусов и пристрастий, о которых прекрасно знали в Главном управлении по делам печати, лежит на многих постановлениях этого учреждения. Цензурных гонений не избежали признанные классики русской литературы. Запрещаются "Мелочи архиерейской жизни" Н. С. Лескова, признанные цензурой "дерзким памфлетом на церковное управление в России". Запрещается "Крейцера соната" Л. Н. Толстого, которую Александр III посчитал "циничной". Правда, после усиленных хлопот Софьи Андреевны Толстой, вняв ее просьбе, царь разрешает включить это произведение в собрание сочинений писателя. Отношение к автору "Войны и мира" — романа, любимого императором, — у него было двойственное. Похоже, что Александр Александрович предвосхитил оценку Толстого как "великого художника", который "жалок как философ". Такие его сочинения, как "В чем моя вера", "Исповедь", становятся запретными, за их чтение и распространение преследуют. Но, карая читателей, автора царь трогать не велит.

Цензура Александра III запрещает и другую исповедь — старца Зосимы из романа Достоевского "Братья Карамазовы". Подготовленный для отдельного издания отрывок из романа с размышлениями этого героя о глубоком социальном неблагополучии в стране, с его мечтой о времени, когда "самый развращенный богач устыдится богатства своего перед бедным", был признан вредным, "несогласным с существующими порядками государственной и общественной жизни". По верному

заклучению современного либерального публициста, политика Александра III в области печати усиливала "влияние мнений, процветающих во мраке, опирающихся на молчание". Процветала "охранительная" пресса — издания Каткова, Мещерского и другие, официальные и официозные. Но эти же условия — "мрак" и "молчание" оказались благоприятны и для крайне левых общественных течений. Именно в эпоху Александра III, по признанию В. И. Ленина, "всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мировоззрения".

Народническая интеллигенция в этот период отворачивается от политики, выдвинув на смену требованиям гражданских свобод и социальных преобразований теорию "малых дел". В усыпленной или, по выражению А. А. Блока, "заспанной стране" Александр III все более входил в роль неограниченного повелителя. Казалось, протестовать против установившегося режима бессмысленно и бесперспективно: он исключал даже малейшую критику власти. Деятель народнической журналистики М. К. Цебрикова безуспешно пыталась организовать адрес императору от интеллигенции, где высказать общее ощущение опасности от утеснений мысли и печати. Потерпев неудачу, Мария Константиновна от своего имени написала открытое письмо Александру III, сама издала его (в 1889 г. в Женеве) и на себе, под одеждой перевезла весь тираж (1000 экз.) через границу.

Цебрикова призывала царя с высоты трона взглянуть в страну, которой он правит, в ее беды и нужды. Она писала о том, что, ничего не дав обществу, Александр III многое отнял. Обращая внимание на травлю, которой подвергается в империи интеллигенция, Цебрикова утверждала, что гонения на нее всегда были симптомом отчуждения власти от общественных интересов. Досталось в письме и самой интеллигенции, ее равнодушие к политике, терпимости к безобразным проявлениям режима.

Ответом царя была высылка Цебриковой в Вологодскую губернию. Дочь генерала, мать семейства подлежала изоляции за суждения, которых не

имела права иметь. И никто больше не нарушал покой императора подобными обращениями.

Пожалуй, именно во внешней политике склонность Александра III к консерватизму, нелюбовь к переменам и тяга к стабильности сыграла вполне положительную роль.

Продолжая миролюбивую политику своего отца, он действовал еще более осторожно и взвешенно, не давая втянуть страну ни в один из намечавшихся международных конфликтов. Свою роль при этом играли и природные свойства его натуры, отнюдь не агрессивной, а также живая память о русско-турецкой войне, которая так дорого обошлась России.

После смерти в 1882 г. престарелого канцлера А. М. Горчакова министром иностранных дел становится исполнявший должность товарища министра Н. К. Гире, уступавший Горчакову и в дипломатических способностях, и в образованности. А между тем положение России после Берлинского конгресса, который свел почти на нет завоевания Сан-Стефанского договора, было сложным.

В Средней Азии, завоевание которой началось при Александре II, российская экспансия столкнулась с английской. Граница владений Российской империи после взятия Геок-Тепе вплотную придвинулась к Афганистану — где господствовало влияние Англии. Ее продвижение и усиление в Азии угрожало осложнением Восточного вопроса. В 1885 г. русские войска, уже завоевавшие большую часть Туркмении, у границы Афганистана, на реке Кушке, столкнулись с афганскими войсками, предводительствуемыми английскими офицерами. Афганцы потерпели поражение, а Россия и Англия оказались на волосок от войны. Александр II получил тогда ряд докладных записок от высших правительственных лиц, предупреждавших о вероятной возможности войны с Англией. В частности, генерал-майор императорской свиты, член совета министра внутренних дел граф Кутайсов обращал особое внимание на необходимость защиты Черноморского побережья от британского флота. Сознавая реальную опасность войны, Александр III не сделал ни единого неосторожного движения ей навстречу.

Афганский кризис удалось ликвидировать с помощью Союза трех императоров (Германии, Австро-Венгрии и России), заключенного еще при Александре II (в 1881 г.).

Не менее напряженной была обстановка на Балканах, где слабело русское влияние и усиливалось австрийское. Отрешиться от всяких обязательств по отношению к России, воевавшей за освобождение Болгарии, пожелал ее правитель — князь Баттенбергский. Русский ставленник, родственник Александра III, князь Александр повел себя неожиданно для царя. Не согласовав с ним своих действий, даже не предупредив о них, правитель Болгарии в 1885 г. присоединил к ней Восточную Румелию — автономную провинцию Турции. Эта акция, идущая вразрез с Берлинским трактатом и интересами Турции, грозила международным конфликтом. Александр III однако, отказался от военного вмешательства в болгарские дела, которого ожидала от него Европа. Он вычеркнул Александра Баттенбергского из списков офицеров русской армии и отозвал русских офицеров из армии болгарской. Император тайно содействовал государственному перевороту в Болгарии (в августе 1886 г.), для чего пригодилась мощная сеть заграничных агентов царской полиции.

Вскоре, однако, изгнанный из Болгарии князь Баттенбергский был вновь приглашен на болгарский престол. Он обратился к Александру III с просьбой о прощении и помощи, но ни того, ни другого не получил. В глазах царя он был предателем и, по словам Александра III, должен был сам расхлебывать кашу, которую заварил. Без поддержки царя князь Баттенбергский не решился принять власть и покинул Болгарию. Правительство Стамбулова, остававшееся в стране, ориентировалось на Австро-Венгрию, все более отдаляясь от России. Александр III пытался восстановить позиции России в Болгарии мирным дипломатическим путем. И хотя терпел неудачу за неудачей, иных способов достижения этой цели не планировал.

Отказавшись после некоторых колебаний вступить в Тройственный союз, в котором место России рядом с Австрией и Германией заняла Италия,

Александр III склонялся все более к сближению с Францией.

Отношения России с Германией, на союз с которой первоначально ориентировался Н. К. Гире, осложнились благодаря жесткой таможенной политике самодержца, лишавшей, по сути, германскую промышленность ее важнейшего рынка сбыта. Бисмарк, в свою очередь, грозил России таможенной войной. Катков развернул против Гирса шумную кампанию в своих изданиях, требуя смещения "антинационального" министра иностранных дел.

После отставки Бисмарка в 1890 г. его преемник генерал Каприви отказался возобновить договор с Россией 1887 года, что подтолкнуло царя к союзу с Францией. Давняя антипатия Александра III к Германии выражалась все более откровенно и, как считали приближенные, не без влияния Марии Федоровны. Императрица на всю жизнь сохранила неприязнь к Германии, воевавшей с ее родной Данией и отторгнувшей в пользу Пруссии Шлезвиг и Голштинию.

В 1891 г. Александр III посетил Французскую промышленную выставку в Москве и лично приветствовал визит французской эскадры в Кронштадт. Европейские газеты сообщали, как российский самодержец стоя выслушал "Марсельезу" — гимн Французской республики — и предложил тост за ее президента.

В дипломатических делах Александр III был по-своему обычаю немногословен и предельно конкретен, предпочитая заверениям поступки. Когда К. П. Победоносцев напомнил ему о необходимости сделать традиционное заявление перед европейскими дипломатами о миролюбии России, царь совет отклонил: "Я не намерен вводить этот обычай у нас, из года в год повторять банальные фразы о мире и дружбе ко всем странам, которые Европа выслушивает и проглатывает ежегодно, зная хорошо, что все это одни только пустые фразы, ровно ничего не доказывающие".

И Европа, которую царь не стал заверять в стремлении к миру, признала его миротворцем. Александр III не только избегал рискованных ситуаций, чреватых войной для своей страны, но и сумел повлиять на

общеевропейскую обстановку, способствуя смягчению напряженности между Германией и Францией. Когда в 1887 г. Вильгельм I под видом маневров сосредоточил на французской границе большое количество войск, именно Александр III без особого шума стабилизировал ситуацию путем частных переговоров с германским императором.

Памятью о доброй воле русского царя, проявленной в сложной обстановке назревающих международных противоречий, остался мост Александра III в Париже — один из красивейших в Европе.

"Титул" миротворца Александр III действительно заслужил своей внешнеполитической деятельностью. Но, имея в виду его государственную деятельность в целом, назвать его миротворцем мешает многое. Он решился на добрые отношения с Французской республикой, написавшей на своем знамени столь ненавистный самодержцу девиз: "Свобода, равенство, братство". Но не сделал и попытки пойти на сближение с оппозиционной интеллигенцией своей страны, выслушать и понять ее представителей, пекущихся совсем не о собственных интересах. Всем, кто покушался на ограничение самодержавной власти, он объявлял беспощадную войну.

На своей земле, сберегаемой им от внешних войн, он не стал миротворцем. И надо сказать, что Александр III внес тем самым свой вклад в подготовку той братоубийственной бойни, что развернулась при его сыне.

В мае 1884 г. по случаю совершеннолетия наследника Николая Александровича и принятия им присяги на верность престолу М. Н. Катков разразился специальной передовой. Он призывал будущего царя не следовать пожеланию поэта "быть на троне человеком". Идеолог самодержавия поучал по-видимому, не только цесаревича, но и приближавшегося к своему сорокалетию императора, доказывая, что "все побуждения и требования человеческой природы" должны умолкнуть, подчинившись государственным интересам.

Царствование Александра III дает свою пищу для размышления о взаимодействии "человеческого" и "государственного" в правителе,

облеченном неограниченной властью. Несомненно, в натуре Александра Александровича было заложено от природы немало достоинств — доброта, трудолюбие, трезвый ум, верность в привязанностях. Однако пребывание на троне во всеоружии вседозволенности наложило отпечаток на личность царя, подавив и исказив многие из его достоинств и развив как раз дурные черты его характера.

А характер Александра III был незаурядным, это была личность крупная и значительная. Еще более значительной эта фигура воспринималась в царствование Николая Александровича. С. Ю. Витте рассказывает, как в революционном 1907 году накануне роспуска 2-й Государственной думы в его кабинет пришел министр двора барон В. Б. Фридерикс с вопросом: "Как спасти Россию?" В ответ Витте обернулся к портрету Александра III: "Воскресите его!"

Витте вспоминал об Александре III как о человеке со "стальной волей", но консервативные правители, как правило, и выглядели волевыми и непоколебимыми. Те же из самодержцев, кто проявлял стремление к преобразованиям, готовность к уступкам общественным требованиям, оценивались порой как люди непоследовательные, слабовольные. И надо признать, что тем, кто хотел "законсервировать" существующий порядок, было легче проявить твердость и последовательность, чем вступавшим или собиравшимся вступить на путь реформ.

При недостаточной образованности Александр III, безусловно, обладал природным умом — практическим, здравым, хотя неразвитым и довольно ограниченным. Ум императора был сосредоточен на защите интересов самодержавия и императорского дома, которые Александр Александрович отождествлял с интересами страны, народа. Нераздельность их он никогда не подвергал сомнению. "Сомненья дух" был так же неведом царю, как и его врагам — революционерам. Уже поэтому трудно согласиться с С. Ю. Витте, находившим у Александра III "громадный выдающийся ум сердца". Политике предпоследнего царя как раз не хватало "сердечности" — широты, терпимости.

Считавший себя христианином, он был жесток и непоколебим по

отношению к иноверцам. В империи с одинаковым упорством преследовали духоборов, пашковцев, штундистов, толстовцев — всех отступников от официального вероисповедания. Бесценные древние рукописи сектантов конфисковывались, дети отнимались у родителей.

Под любимым девизом царя "Россия для русских" ущемлялись права "иностранцев" при поступлении на государственную службу и в хозяйственной деятельности. А. А. Половцев, отнюдь не противник русификации национальных окраин, не раз в дневнике возмущался тем, как топорно и прямолинейно она проводится. "Смешение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства, — писал князь С. М. Волконский о „политически-умственных трафаретах“ александровской политики. — Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность".

Одержимый вслед за Победоносцевым мыслью, что "жиды всюду проникли, все подточили", Александр III дает волю и антисемитским настроениям. Сокращается черта оседлости, все новым изъятиям подлежат места, где разрешено селиться евреям. В 1891 г. по инициативе великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, выселили 17 тыс. ремесленников-евреев, что заметно дестабилизировало городскую жизнь.

На почве религиозно-национальной политики александровского царствования выросло позорное Мултанское дело (1892-1896), когда обвинение в ритуальном жертвоприношении было предъявлено целому народу. В действительности же получилось, что именно крестьяне-удмурты, обвиненные в убийстве, которого якобы требовало их языческое вероисповедание, были принесены в жертву стереотипам религиозным и политическим.

Национализм и шовинизм, проповедуемые с высоты трона, призванные отвлечь внимание от острых социальных и политических проблем, разжигали самые низменные страсти. Накопившееся недовольство масс

направлялось в нужное правительству русло. Александр III, следуя традициям династии, верил, что национальная и религиозная общность может сплотить страну, раздираемую общественными противоречиями. Национализм становится одним из ведущих принципов его правления, вызывая все новые проблемы многонациональной империи.

Сознавал ли сам император, сколь грозные конфликты зреют в управляемом его уверенной рукой государстве? В дневнике, где он, оставаясь с самим собой наедине, мог высказаться без оглядки и опасений, нет и следа подобных тревог. Дневник Александра III фиксирует лишь внешние события его окольного мира: завтраки, обеды, ужины, домашние дела, охота. О занятиях государственными делами говорится здесь бегло и глухо — отмечается лишь время, отведенное для чтения государственных бумаг и приема министров. Эта пунктирная хроника жизни царской семьи при всей насыщенности ее встречами со множеством лиц, балами, путешествиями, официальными приемами и домашними застольями, при всей пестроте и блеске рождает впечатление скудости духовного мира самого "хроникера".

Александр III выделялся среди российских самодержцев трудолюбием и усидчивостью. Чтению и подготовке официальных документов он посвящал по несколько часов в день. Спать ложился не ранее 2-3 часов ночи. Правда, всегда имел днем часы для отдыха и сна (перед ужином).

Любимыми видами отдыха императора были охота и рыбная ловля. Для охоты царь предпочитал Беловежскую пушу. Ему не надо было выслеживать добычу, подвергаясь опасности, — опытные егеря обеспечивали, чтобы она находилась на досягаемом расстоянии от царя, ничем ему не угрожая. Трофеи царской охоты всегда громадны. Поштучно забивались лишь медведи и зубры. Счет кабанам, лисицам, оленям шел на десятки, а зайцы убивались сотнями. По-видимому, те же чувства самоутверждения и довольства собой испытывал царь, вылавливая (вынимая) из гатчинских озер, где для него разводили ценные породы рыб, по 60-80 форелей зараз.

Во дворцах по установившейся традиции играли любительские

спектакли, давали домашние концерты. Из русских композиторов императорская чета предпочитала Чайковского и Глинку. Мария Федоровна любила Шопена и Моцарта. Полюбившийся спектакль в театре смотрели по несколько раз. Так, судя по дневнику Александра III, в 1891 г. они не единожды побывали на "Женитьбе Белугина" в драматическом театре, многократно прослушали "Фиделио" Бетховена и "Ромео и Джульетту" Гуно.

Император не любил "грубого реализма" ни в живописи, ни в литературе, но отнюдь не был сторонником "чистого искусства", подходя к нему с утилитарными требованиями. Идеюность признавал более важным, чем художественность. Запрещая для сцены "Власть тьмы" Л. Н. Толстого, Александр III признавал, что пьеса "написана мастерски и интересно", однако идеи ее посчитал вредными. Не разрешив выставлять полотна И. Е. Репина и Н. Н. Ге, он опять-таки исходил не столько из эстетического, сколько из "идейного" воздействия их живописи. Самодержец во многом предвосхитил требования к искусству тоталитарной системы.

В своих привязанностях и симпатиях Александр III оставался не менее консервативен, чем в политике. Характерно, что на очередные дворцовые празднества он, по свидетельству А. А. Половцева, распорядился звать тех, "кто обычно бывает". При неизбежных изменениях близкое окружение царя оставалось в основном постоянным. Непременными участниками дворцовых приемов и торжеств оставались его друзья молодых лет, адъютанты времен русско-турецкой войны с их женами — Барятинские, Воронцовы-Дашковы, Шереметевы.

С 1860—х гг. сохранялись у царя тесные, хотя и неровные, отношения с князем В. П. Мещерским, унаследованные от покойного брата Николая. Они неоднократно прерывались по причине возникавших вокруг Владимира Петровича скандалов. В начале 1880-х гг. репутация князя - представителя славного и древнего рода — становится настолько скверной, что отношения с ним Александра III принимают полуконспиративный характер — поддерживаются тайком при

посредничестве Победоносцева. С. Ю. Витте, рисуя образ Александра Александровича как человека чрезвычайно прямого, открытого, который "ничего не делал тайком", погрешил против истины. Царь тайно дружил с человеком, от которого отвернулись родственники, кого открыто презирали в обществе. Мещерского перестали принимать во многих домах, но к царю он по-прежнему был вхож, хотя и "с заднего крыльца". В 1887 г. Александр III субсидирует возобновившийся "Гражданин". 100 тысяч рублей были выданы Мещерскому из сумм, предназначенных на женское образование. Царь считал его ненужной и вредной блажью: слова "курсистка" и "нигилистка" были для него синонимами. Мещерского же ценил как даровитого писателя, имея в виду не столько его романы из жизни "большого света", сколько публицистику. Яростно ополчаясь на "пошлый либерализм", занесенный с Запада, "Гражданин" снова — однообразно и монотонно — отстаивал дорогие Александру III "устои".

Судя по их переписке, дружба была далеко не идиллическая. Царь упрекал Мещерского в нахальстве, навязчивости, попрошайничестве. Но, как ни парадоксально, эти черты по-своему привлекали императора, придавая его отношениям с князем иллюзию простоты и равенства, которых так не хватало в общении с другими. Мещерский по своей недалекости временами терял дистанции, соблюдаясь императором контактах со всеми подданными. Но фамильярность и бесцеремонность Владимира Петровича позволяли царю несколько передохнуть от всеобщей лести и угодничества: и то и другое оказывалось по-своему нужным.

В последние годы правления Александра III среди приближенных к нему замаячила фигура начальника царской охраны генерала П. А. Черевина. Царь любил с ним рыбачить, охотиться, играть в карты, а также и выпить. Последним, впрочем, вопреки воспоминаниям Черевина, Александр Александрович не злоупотреблял. Среди приближенных Александра III трудно разглядеть настоящих друзей: были соратники, на которых он опирался, и приятели, с которыми любил коротать досуг. Среди соратников еще современники выделяли Д. А. Толстого, М. Н.

Каткова и К. П. Победоносцева. Имя Победоносцева, по сути, стало метафорой: эпоха Александра III часто определяется и как эпоха Победоносцева. Его идеи наложили отпечаток на имперскую политику, люди, им выдвинутые, им рекомендованные, занимали ключевые посты на государственной службе.

Могущество Победоносцева, основанное на его близости к императору, сделало его неким центром притяжения всех жаждущих устроить свои дела, и тех, кто стремился повлиять на "ход идеи и ход вещей" в империи. Через него пытались продвинуть тот или иной вопрос в Государственном совете или Комитете министров — голос Победоносцева значил много. С его помощью решались проблемы продвижения по службе, повышения в чинах, получения титулов, награждения и назначения окладов.

Константин Петрович брался решать подобные дела не только по своей отзывчивости и доброте. Он хотел и себе и другим подтвердить свою способность воздействовать на события, на сильных мира сего, от которых уже себя не отделял! Но обретенное в первые годы царствования влияние на Александра III он использовал нерационально. Он обращается к нему не только по важным государственным вопросам, но и по мелким, частным, решать которые было вовсе не царское дело. Вот, например, он пишет (нечто вроде доноса) о вредоносности журнала "Русская мысль", сообщает о беспорядках в Московском Кремле, негодует по поводу неправильного распределения помещений в здании морского министерства. Можно себе представить, как утомляли царя подобные письма, как досаждали ему. Всеохватывавшая опека Победоносцева не просто тяготила — Александр III, не без помощи Марии Федоровны, все более понимал, что она вредит ему в глазах окружающих. К тому же рассуждения Константина Петровича о положении дел в империи все меньше нравились царю. Резко-критическое, постоянно мрачное их восприятие, относившееся уже не к прошлому царствованию, а к нынешнему, раздражало Александра III. Отношения его с Победоносцевым с середины 1880-х гг. становятся все холоднее, они

редко общаются, переписка их явно оскудевает.

Но, отдалив от себя обер-прокурора Синода, царь не прервал сотрудничества с ним, которое просто стало не столь интенсивным, как в первые годы царствования. Победоносцеву доверил он преподавание наследнику. Утратив всемогущество, Константин Петрович не потерял своего влияния при дворе. Огромные его связи в высших сферах, колоссальная осведомленность о том, что там происходит, делали его фигуру весьма значительной. И сам император, укротив энергию своего советника, продолжал с ним считаться.

Победоносцев оставался одним из главных и надежных единомышленников Александра III, но настоящей близости между ними не было и в ту пору, когда царь шага не мог ступить без своего "тайного советника". Слишком разными людьми они были по мироощущению. Для главы Церкви земная жизнь не представляла самоценности, являясь некоей ступенью к переходу в иной мир. Кроме горя и печали, в ней не могло быть ничего постоянного. И только как воздаяние за земные страдания в царстве Божьем могли явиться и радость и утешение.

Александр III любил и ценил радости земные и знал в них толк. Он получал их и от удачного решения государственных задач, и от своей семейной жизни, в которой был счастлив. Семейная жизнь Александра Александровича, исполненная мира, любви и согласия, выгодно выделяла его среди монархов, давая современникам надежду на то, что в царя будут проявляться "человеческие" чувства. Его державные родители жили каждый своей отдельной жизнью, у них же с Марией Федоровной она была в основном единой и общей. Мария Федоровна сопровождала супруга не только на балах и раутах, празднествах и парадах. Она была его спутницей в далеких и утомительных поездках по святым местам, участницей охоты — в том числе и медвежьей. Вместе с ним посещала солдатские казармы и богадельни. Судя по дневнику Александра III, только в январе 1891 г., к примеру, они вместе посетили Пажеский корпус, Смольный институт, Николаевский институт, Александровское училище, Педагогические курсы, Конногвардейский корпус,

Александровскую барачную больницу, Дом для престарелых, Вдовый дом. В том же 1891 г. в разгар холерной эпидемии Мария Федоровна вместе с мужем входила в холерный барак — утешить, ободрить безнадежных больных.

По просьбе императрицы А. А. Половцев составлял для нее специальные "мемории" об очередных заседаниях Государственного совета. Она интересовалась прохождением здесь тех или иных вопросов, ходом дискуссии, голосованием. Мария Федоровна вовсе не пыталась играть роль Эгерии при державном супруге, да Александр III с его патриархальными понятиями о семье вряд ли бы это и потерпел. Она хотела жить с мужем одними заботами и тревогами.

Эти заботы и тревоги составляли часть ее мира, заполненного любовью к семье, к детям, к радостям жизни. К последним Минни (так звал ее Александр Александрович) относил танцы, наряды, легкий флирт, наслаждение музыкой и живописью и многое другое. Обожала балы, особенно костюмированные, где появлялась обычно в русском костюме XVI — XVIII вв. Неутомимая в танцах, она, по свидетельству А. А. Половцева, бывало, по 4-5 часов "не сходила с паркета".

Доброжелательная, снисходительная к слабостям окружающих, Мария Федоровна любила посплетничать, но никогда не злословила. Вступив в ранней молодости в брак с российским самодержцем, она быстро освоилась со своим положением. Государственный порядок, при котором она являлась царицей всея Руси, воспринимала как единственно возможный. Она не разделяла ненависти к российской интеллигенции, которую питал Александр III, но и не понимала и не принимала демократических и либеральных идей в приложении к России. Нельзя не признать, что Мария Федоровна была хорошей женой и вполне соответствовала статусу императрицы.

Любящий муж, Александр III был и чадолюбив. С какой отцовской гордостью писал он о своих детях, как радовался их успехам в верховой езде, купанью в прохладных балтийских водах (сам принимал только теплые ванны с целебными грязями). Обычное косноязычие,

свойственное его официальным письмам, здесь оставляет его — речь становится выразительной, передавая искренность и полноту чувства отцовства, осознававшегося им как совершенно особое, не похожее ни на какое другое.

Стремясь воспитывать детей по-современному — приобщая к спорту, закаляя, — образованию их император уделял явно недостаточное внимание. Сам не страдавший избытком знаний, он не считал их столь важными и для своего наследника. Близко наблюдавший уклад царской семьи, художник И. А. Бенуа считал воспитание цесаревича не соответствующим его будущей "сверхчеловеческой" роли самодержца. Это было не более чем обычное воспитание детей в состоятельных семьях. Столь же критически оценивал подготовку Александром III сына к государственной деятельности и С. Ю. Витте.

Александр III был не только отцом большого семейства, но и главой могущественнейшего и разросшегося клана Романовых, который составляли великие князья, отпрыски боковых ветвей династии и их семьи. Родственные чувства у императора также были весьма развиты: дядья пользовались его уважением, а братьев он любил и опекал. Всем им были уготованы высшие должности в государстве, однако далеко не все по своим способностям оказались к ним пригодны. И если затруднительно определить вклад в культуру и науку великого князя Владимира Александровича — президента Российской академии наук, то относительно деятельности великого князя Алексея Александровича у современников мнение сложилось однозначное. Поставленный во главе военно-морского ведомства, он привел Российский флот в упадок, что сказалось в русско-японской войне. Сергей Александрович, ставший в 1891 г. губернатором Москвы, вызвал неприязнь москвичей мелочной регламентацией городской жизни и жестокостью карательных мер. Даже его страшная кончина от эсеровской бомбы не смягчила это неприязненное к нему отношение.

В громадном клане Романовых были свои противоречия, соперничество, интриги, распри. Но всех его представителей объединяла преданность

власти, вне которой они теряли свои посты, привилегии, богатую ренту. И несмотря на внутрисемейные раздоры, они дружно поддерживали и режим, и лично самого императора.

В октябре 1894 г. вся большая царская семья и основные представители клана Романовых собрались в Ливадии, где умирал царь. Не дожив до 50-летия, Александр III погибал от нефрита — болезни почек, осложнившейся после перенесенной им инфлюэнцы.

Александр III уходил из жизни умиротворенным, с чувством исполненного долга, не сомневаясь, что служил благу страны и народа.

Похороны были пышными и многолюдными. Гроб с телом Александра III был перевезен из Крыма в столицу через Севастополь, Спасов Скит (место крушения царского поезда в 1888 г.), Харьков, Орел и Москву. Столь долгого и торжественного прощания с царем Россия не помнила: как будто предчувствовали, что хоронить Романовых больше не придется. И могила Александра III в царской усыпальнице — это последняя могила российских самодержцев. У Николая Александровича уже не будет ни похорон, ни могилы. Царствование Александра III как будто было призвано убедить подданных империи в том, что любые уступки, завоеванные при самодержавии, непрочны, поскольку зависят от воли очередного монарха. Деятельность предпоследнего самодержца Л. Н. Толстой определил как "разрушившую все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшуюся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия".

Остановив Россию в ее движении к преобразованиям, Александр III разрушил надежды на мирное эволюционное ее развитие. Он оставил сыну тяжелое наследство: страну с нерешенными социальными и политическими проблемами, сословными и классовыми противоречиями, обострению которых способствовал. Для интеллигенции александровская эпоха была "сумеречной" и душной, и по-своему тяжелой оказалась она для крестьянства. Нежелание царя решать земельный вопрос, его аграрная политика определили рост новых, отнюдь не "царистских" настроений в деревне. В крестьянской массе нарастала враждебность к

самодержавию как власти чужеродной, действующей наперекор стремлениям народа к воле, земле, собственности. Это едва ли не главный итог царствования предпоследнего самодержца. Дворянский царь крестьянской страны приблизил Россию к революции.